

Рябиновый свет в сумерках Севера

Виктория Шарус

Виктория Шарус

Рябиновый свет в

сумерках Севера

Серия «В сумерках Севера», книга 1

<https://litres.ru/73566738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её магия пахнет догорающим летом. Его сила — дыхание вечной зимы.

Марийка выросла на жутких сказках о ледяных чудовищах, но не знала, что одно из них заберёт её прямо с поля. Ингвар — Хранитель Севера с глазами цвета застывшей реки. Он приносит холод, обращающий золото пшеницы в чёрный пепел. Для её деревни он — гибель. Для самой Марийки — единственный шанс выжить.

В этом пути через замерзающие земли нет места доверию, только шёпот древних берегов и опасное притяжение двух стихий. Девушка до дрожи боится ледяного всадника, но её кровь — Древняя Искра Рябинового Огня — узнаёт в нём своего.

Сможет ли одна маленькая искра растопить вековой лёд Севера? Или в этой битве они оба сгорят дотла, пытаясь обмануть саму смерть?

Друзья, не закидывайте помидорами — я обновила текст!))

Содержание

Глава 1. Тень над золотом	4
Глава 2. Холод под полуденным солнцем	12
Глава 3. Тень за стеклом	20
Глава 4. Иней на пороге	30
Глава 5. Зеркало стужи	39
Глава 6. Золотая петля	47
Глава 7. Пепел забытых слов	58
Глава 8. Мурлыканье мёртвого леса	67
Глава 9. Метка Искры	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Рябиновый свет в сумерках Севера

Глава 1. Тень над золотом

Полдень душил невыносимым, липким жаром. Воздух застыл, точно вязкая смола, пропитавшись едким запахом раскалённой земли и одуряющим ароматом пряных трав. Марийка брела по узкой, едва различимой тропе, почти растворяясь в бескрайнем золотом море пшеницы. Тяжёлые, налитые колосья хлестали по рукам — колко, настойчиво, словно пытались удержать или о чём-то предупредить. В охапке полевых цветов, которую девушка судорожно прижимала к груди, холодными искрами вспыхивали васильки и бледные пятна ромашек. На фоне её выцветшего платья они казались единственными живыми крохами, осколками иного, более яркого мира.

Марийка зажмурилась, подставляя лицо яростному солнцу, и на губах замерла слабая, почти призрачная улыбка. Мысли уже ускользнули домой. Туда, где в спасительном мраке погреба ждал ледяной квас, а на крыльце, привычно ворча и вглядываясь в пыльную дорогу, ждала мать. Девушка запела — тихо, едва слышным шёпотом, словно боясь спугнуть это хрупкое мгновение покоя:

— Пшеничный дух — память веков,

Шелест колосьев — голос богов...

Матушка шепчет: Храни заве...»

Песня оборвалась на полуслове, захлебнувшись в нахлынувшей тишине.

Мир вывернулся наизнанку в одно мгновение. Свет, только что ослеплявший поле, внезапно погас. Оставив после себя лишь мёртвую, давящую тень. Словно на солнце набрали плотный чёрный саван. Пшеница, мгновение назад шумевшая от ветра, замерла в оцепенении. Птицы смолкли, и стало так тихо, что Марийка отчетливо услышала, как бешено колотится её собственное сердце.

— Что происходит?.. — прошептала она, оборачиваясь и всё ещё крепко сжимая в руках букет.

В этот миг тишину, со звоном висевшую над полем, расколол глухой, утробный грохот. Казалось, сама сырая земля под ногами вздрогнула и пошла глубокими трещинами. Будто снизу её разрывало нечто огромное и голодное.

Марийка в испуге отпрянула. Пальцы разжались, и цветы веером посыпались из рук, устилая пыль яркими, мгновенно увядающими пятнами. Прямо перед ней из рваного разлома вырвался столб живого, чёрного хаоса. Сотни ворон с надрывным, каркающим криком взмыли в небо, застилая солнце. Но они не разлетелись. В пугающем вихре птичьи тени начали сплетаться, обретая плотность и пугающе знакомые очертания.

Мгновение — и перед ней, преграждая путь к деревне, соткался из этого чернильного вихря и морозного сумрака всадник. Его Вороной конь стоял неподвижно, не шевеля ушами. Его копыта даже не приминали стебли — он будто не имел веса, оставаясь лишь призраком в мире живых. Сам незнакомец был закован в тёмную чешуйчатую броню, а из-под глубокого капюшона на девушку смотрели два ледяных огонька. От него веяло таким лютым холодом, что золотые колосья вокруг начали покрываться инеем. И после с хрустом ломаться, превращая лето в зиму.

Марийка хотела закричать, броситься прочь, но ноги словно приросли к земле. Всадник медленно поднял руку в железной перчатке и указал прямо на неё.

— Нашел... — прозвучал голос, от которого по коже пробежала ледяная волна. — Древнюю искру рябинового огня не спрятать под обычной холстиной.

— Что... Что ты такое?.. — выдохнула Марийка.

Голос подвёл её, превратившись в едва слышный шёпот. Она начала пятиться, не сводя глаз с пугающей фигуры. Всадник слегка подтолкнул коня ногой, заставляя зверя идти вперёд, сокращая расстояние. Каждый его шаг приносил с собой могильный холод.

Марийка отступала всё быстрее, захлёбываясь собственным страхом. Сердце колотилось уже где-то в самом горле, мешая сделать вдох. Внезапно её нога запуталась в густых, ставших колючими стеблях пшеницы. Земля будто не пус-

кала её прочь, удерживая в ловушке перед лицом неизбежного. Девушка охнула. Теряя равновесие, она повалилась на спину, больно ударившись о сухую, растрескавшуюся почву.

Всадник замер в паре шагов. Его тёмный силуэт чётко, почти болезненно выделялся на фоне золотого океана пшеницы. Огромный вороной конь, чья шерсть отливала пугающей, мертвенной синевой, стоял неподвижно. Из ноздрей зверя вырывались облачка морозного пара, а под его копытами спелые колосья мгновенно покрывались инеем. Всадник плавно склонился к Марийке, и в этот миг сама реальность, казалось, надтреснула.

Земля под ногами девушки издала глубокий, почти человеческий стон. С глухим, гулким треском из-под рыхлого дёрна вырвался исполинский корявый корень. Он рос с невероятной скоростью. Изгибаясь, корень сплетался в живой, узловатый щит прямо перед лицом Марийки. Прежде чем всадник успел что-то предпринять, эта древняя мощь земли мягко, но неоспоримо преградила ему путь, толкнув прямо в грудь.

Раздался грузный, скрежещущий лязг доспехов. Фигура незнакомца покачнулась, и, потеряв равновесие, он вылетел из седла. Грохот упавшего на замёрзшую траву тела прозвучал в наступившей тишине как эхо уходящей бури.

— Оставьте меня в покое!.. — почти крикнула Марийка.

Она тяжело дышала, инстинктивно прижав ладонь к оберегу на шее — подарку матери. Девушка чувствовала, как

амулет буквально обжигает кожу, пульсируя в такт её испуганному сердцу.

Вороньё, всполошённое необузданной силой земли, закружило над павшим всадником. Птицы кричали дико, хлопая крыльями так тяжело, будто в их перьях запутался сам сумрак. Исполинский корень, выполнив свою задачу, на глазах начал терять жизнь. Его кора тускнела, покрываясь сетью мелких трещин. Он сох, превращаясь в серый, мёртвый пепел, который лёгким саваном оседал на жёлтые колосья и иней, словно первый предсмертный снег.

Лютый жар амулета на груди Марийки стал утихать, оставляя после себя лишь странное, необъяснимое тепло. Девушка с суеверным ужасом отдёргнула руку от старого украшения, будто оно могло укусить её. Сердце продолжало бешено биться. Марийка смотрела на безобидную с виду деревяшку и не понимала: как? Простой оберег, который матушка когда-то надела ей на шею, не мог так обжигать. В голове теснились пугающие мысли о лесных духах и чёрном колдовстве. Девушка никогда не верила в сказки. Но сейчас её била дрожь — она не знала, что пугает её больше: всадник в чёрной броне или эта внезапная, чужая сила, проснувшаяся у неё на груди.

И только неясное, тревожное предчувствие удержало её на месте, не давая сорваться в бег. Яко сама нить её судьбы только зазвенела, натянувшись до предела.

Вдруг всадник пошевелился. Его движения были тяжё-

лыми, пропитанными скрытой болью. Несмотря на это, он быстро поднялся на ноги, но не спешил хвататься за меч. Вместо этого рука незнакомца, закованная в сталь, медленно, почти неуверенно, потянулась к капюшону. Марийка замерла, не в силах отвести взгляд. Даже воздух застрял у неё в груди колючим комком.

Перед ней был не монстр и не древний старик. Под капюшоном скрывалось лицо молодого мужчины: болезненно бледное, точно первый иней на рассвете. Оно было с резкими, словно высеченными из холодного гранита чертами. Пряди светлых, пепельных волос упали на лоб, почти сливаясь с его мертвенной белизной. Даже сейчас, раненый и изломанный силой земли, он казался воплощением опасной, первобытной мощи. Плотное телосложение воина выдавало в нём того, кто привык ломать врагов, а не проигрывать стихиям.

Глаза незнакомца — те самые два ледяных огонька — теперь смотрели на неё без ярости. В них застыла какая-то запредельная, вековая усталость, от которой у Марийки защемило в груди. По его виску стекала тонкая струйка тёмной крови, моментально превращаясь в ледяную корку. Холод всё ещё исходил от его кожи, точно от свежего покойника. В этом пустом, звенящем взгляде девушка увидела не угрозу, а глубокое, бескрайнее одиночество.

— Теперь я точно уверен, что это ты, — выдохнул он, и его голос сорвался на хрип. — Ты и правда та самая древняя

искра рябинового огня. А я думал, это лишь сказки старых жрецов, чтобы пугать непослушных детей.

— Кто ты? — голос Марийки дрогнул, но она не отвела взгляда.

В деревне всегда шептались: «Бойся того, кто дышит морозом, у него вместо сердца — кусок льда». Марийка судорожно сжала кулаки, чувствуя, как в горле запредельно бьётся её собственное, живое и горячее сердце. «Они приходят за чужими жизнями, чтобы согреть свою чёрную кровь», — всплыли в памяти зловещие слова бабки, и по спине поползли мурашки.

— Зачем ты пришел? — выдохнула она, медленно пятясь к колючим зарослям. — Хочешь забрать моё сердце? Вырвать его, чтобы согреться?

Всадник горько усмехнулся, и в этой усмешке было больше боли, чем яда. Он держался отстранённо, почти официально. Эта холодная, мёртвая вежливость сбивала Марийку с толку сильнее, чем любая угроза.

— Твоё сердце мне ни к чему, девчонка. В нём слишком много страха, оно мне только руки обожжёт, — всадник отвёл взгляд. — Мне нужна твоя сила. Мой мир... он умирает от великой Стужи. И только тот, в ком течёт живое пламя, может разжечь Огонь Жизни снова.

Затем незнакомец посмотрел на свои руки в железных перчатках, демонстрируя их девушке. Марийка с ужасом увидела, как по металлу начинает ползти седая изморозь.

Холод, исходящий от него, был не просто физическим — он казался самой сутью этого человека.

— Я пришёл не убивать. Я пришёл просить... хоть и забыл, как это делается, — голос чужака стал глуше, в нём проступило сиплое дыхание угасающего пламени. — Меня зовут Ингвар, и я — последний из Хранителей Севера. Если ты не пойдёшь со мной, завтра и твоё золотое поле превратится в ледяную пустыню. А после — и весь твой мир.

Марийка опустила взгляд на оберег. Тот больше не обжигал, а лишь тихонько, почти ласково вибрировал у самого сердца, словно соглашаясь с каждым словом чужака. Суеве-рия в голове кричали: «Не верь ему! Беги!», но необъяснимое, магнетическое притяжение к этому ледяному человеку было сильнее первобытного страха. Оно тянуло её к нему, как мотылька на холодный, призрачный свет.

— Я не знаю тебя, всадник, — тихо сказала она, делая осторожный шаг назад, пытаясь разорвать невидимую нить между ними. — И я не знаю, о какой силе ты говоришь...

И следом Марийка замерла в нерешительности.

Глава 2. Холод под полуденным солнцем

— Нам нужно торопиться! — голос всадника прозвучал сухо, с трудом прорываясь сквозь сдавленное, свистящее дыхание. Казалось, каждое его слово вымораживает зной, превращая полуденный воздух в ледяное крошево.

— Но я не пойду с тобой! — Марийка снова отшатнулась, судорожно сжав в кулаках подол льняной холстины. Тонкая ткань платья казалась ей единственной защитой против этого иномирного лиха. — Уходи туда, откуда пришёл, демон!

Ингвар медленно, с видимым трудом, вернулся в седло. Пепельные пряди выбились из-под капюшона, подчёркивая восковую бледность его лица. В глазах на мгновение вспыхнула и тут же погасла ухмылка — горькая, как полынь, сорванная на меже.

— Меня предупреждали, что мой путь не будет лёгким, — пророкотал он. В этом низком голосе чувствовалась мощь, которую не в силах была сокрушить даже предсмертная агония. — Говорили, что я не смогу отыскать искру...

— Но я не искра! — выкрикнула она, и её голос сорвался на шёпот, пропитанный суеверным, липким ужасом. — Я просто Марийка... обычная селянка. Ты ошибся, слышишь? Не того человека ты из-под земли выкликнул!

На фоне раскалённого, почти белого неба Ингвар казался чужеродным пятном, выжженной дырой на золоте пшеничного поля. Марийка замерла, когда увидела, как он качнулся, в седле своего огромного вороного коня. Всадник рухнул на гриву синевато-чёрного зверя. И его пальцы в стальной перчатке со скрежетом впились в жёсткий мех — только эта железная хватка и удерживала его в мире живых.

Он слабел на глазах. То ли бесконечная дорога выпила из него жизнь, то ли столкновение с исполинским корнем обошлось слишком дорого. В этот момент, под безжалостными, обжигающими лучами солнца, случилось невозможное. Ингвар начал покрываться хрупкой, сизо-белой коркой инея. Лёд с тихим, колючим звоном пополз по металлу доспехов. Из-под капюшона вырвалось облако густого морозного пара — точно могучий воин превращался в глыбу мёртвого льда в самый разгар удушливого дня, на глазах у испуганного солнца.

Марийка остолбенела боясь даже выдохнуть раскалённый воздух, словно вместе с ним из неё могла уйти последняя капля жизни. Суеверный ужас в её душе внезапно столкнулся с простой, земной жалостью — той самой, которой её когда-то учила мать.

— Ты... ты же совсем застыл, — прошептала она, делая осторожный, пробный шаг к вороному коню. — Иди за мной. В деревне есть знахарка... бабка Степанида. Она любые хвори заговаривает, даже те, что пришли из теней.

Дальше девушка не стала ждать ответа, который мог и не прозвучать в этой мёртвой тишине. Развернувшись, она побрела по дороге, стараясь не оборачиваться. За спиной почти сразу раздался громоздкий, размеренный стук копыт, точно удары молота по наковальне. Каждый шаг к родным плетням отзывался в её сердце тревожным набатом. Марийка чувствовала себя предательницей, ведущей волка прямым в овечью овчарню.

Пыль под её босыми ногами всё ещё была по-полуденному горячей и жгла кожу привычным теплом. Но по позвоночнику, прошивая до самых костей, безостановочно скользил ледяной сквозняк — невидимый шлейф, тянувшийся за всадником.

Вскоре море золотой пшеницы закончилось, обнажив притаившуюся деревню. Дом знахарки стоял на самом отшибе, у кромки леса, но путь к нему лежал через всё село. Марийка с детства жила здесь и знала каждого жителя, но сегодня лица соседей казались чужими масками. Страх перед неизведанным выгнал людей с улиц: они попрятались в домах, наблюдая из темноты. Девушка кожей ощущала их взгляды — колющие, тяжёлые. Они следили за ней из-за каждой занавески. Деревня, которая ещё утром была её единственным домом, внезапно ошетибилась невидимыми иглами враждебности. Даже сторожевые собаки замолкли, забившись в будки. А коты провожали чужака немигающими, янтарными глазами, в которых холодным пламенем отражался

синий блеск лошадиной шкуры.

— Марийка! — голос старосты Панкрата, сухой и резкий, разрезал тишину, точно удар кнута.

Он вышел на середину улицы, с усилием опираясь на свой дубовый посох. За его спиной, в тени изб, уже теснились мужики — напуганные, сжимающие в руках кто вилы, кто топоры. В их глазах читался тот самый суеверный страх, который сейчас выжигал и саму Марийку изнутри.

— Кого ты притащила в нашу деревню? — Панкрат указал дрожащим посохом на всадника. — Глянь на него — за ним же Смерть по пятам ковыляет, в каждый двор Навь за собой тянет!

Ингвар не шелохнулся. Он замер в седле, точно изваяние из чёрного гранита и застывшего льда. Марийка кожей чувствовала, как в нём натянута каждая жила, словно струна перед самым обрывом. Его мощное, воротное телосложение внушало трепет даже сквозь морозное оцепенение. Он медленно повернул голову к Панкрату. В его глазах, похожих на застывшую, мёртвую реку, мелькнула такая ледяная мощь, что староста невольно отступил, сильнее сжав сухими пальцами дубовый посох.

— Дядька Панкрат, ему нужно к Степаниде! — громко выкрикнула Марийка, стараясь, чтобы голос не дрожал от липкого страха.

Имя знахарки упало в тишину, точно заговоренный камень в колодец. Степаниду в деревне не просто уважали —

её побаивались, чуя за версту её силу, как запах приближающейся грозы. Первобытный ужас перед неведомым застилал мужикам разум. Почувяв имя ведуньи, они нехотя расступились, пропуская всадника, но провожали его тяжёлыми, настороженными взглядами, в которых читалось недоброе.

— Почему ты их пропускаешь, Панкрат?! — возмущённо рывкнул кузнец, выступая вперёд. Сверкающий лезвием топор в его руке заметно дрожал. — Пусть убирается прочь, и Марийку оставит в покое! Не ровен час, навлечёт беду на все наши головы!

Староста прищурился, переводя взгляд с ледяного чужака на бледную, осунувшуюся девушку. Солнце уже миновало зенит, и вязкий, послеполуденный зной, казалось, только сильнее прижимал деревню к земле, делая воздух над пыльной дорогой почти осязаемым, густым, как смола.

— Слушай меня, Марийка, — глухо произнёс Панкрат, и в его голосе проступила сухая горечь. — К бабке идите. Но чтобы до заката этого холодного в деревне не было. Иначе я сам за вилы возьмусь, и никто тебе не поможет.

— Я не ищу вашей крови, — прохрипел Ингвар.

Марийка уловила в его голосе странную, расчётливую твёрдость сильного человека, который даже на грани обморока, когда жизнь едва теплится в теле, продолжает контролировать ситуацию.

— Мне нужен лишь кров на одну ночь. Мой зверь измотан... как и я сам.

Он намеренно произнес это громко, принимая на себя весь удар деревенской ярости. Всадник видел, как мужики до белизны в костяшках сжимают топоры, и понимал: если сейчас не дать им надежду на свой скорый уход, страх окончательно ослепит их. Ему нужно было время. Чтобы Искра перестала дрожать от ужаса, и они смогли как можно скорее уйти в путь вместе.

В этот момент из калитки крайнего дома выбежала женщина в пестром платке — Дарья, мать Марийки. Она не слушала рычание мужиков и не боялась Панкрата. Она видела лишь внезапную бледность дочери и её странного, дышащего могильным холодом спутника.

— Марийка! — Дарья подбежала и, игнорируя продирающий до самых костей мороз, обняла дочь. — Господи, руки-то ледяные... Заходите! Быстро в дом!

Панкрат хотел было напомнить о своем приказе "уйти до заката", но Дарья обернулась к нему с такой яростью в глазах, что старик невольно отшатнулся.

— У кого из вас, ироды, поднимется рука на раненого гостя? — припечатала она, и голос её звенел, как сталь. — Забыли законы дедов? Пока гость за порогом — он под защитой очага. Кто тронет — прокляну!

Толпа окончательно расступилась, пропуская их к подворью. Марийка взяла вороного коня под уздцы и повела его к своему двору, чувствуя спиной пронзительные, полные немого вопроса и страха взгляды. Она понимала, что эта

ночь в деревне будет последней спокойной в её жизни.

Вскоре девушка подвела зверя к коновязи, стараясь не касаться его покрытой инеем шкуры. Когда Ингвар начал плавно, с видимым трудом сползать из седла, Марийка инстинктивно подставила плечо, чтобы он не рухнул на землю.

В мгновение прикосновения её ладони к ледяному доспеху мир для Марийки замер. Она ждала, что холод каленым железом вонзится в кожу, но вместо этого по её руке промчался странный, томительный разряд, от которого мгновенно перехватило дыхание. В груди, прямо под амулетом, словно натянулась и негромко зазвенела невидимая струна, связывая её жизнь с этим ледяным воином навсегда.

Марийка испуганно взглянула на свою руку. Иней на стальном наплечнике Ингвара, где она его коснулась, не просто растаял — он исчез. Только оставив после себя лишь чистое, блестящее пятно, от которого исходил едва заметный пар. Она быстро отстранилась, не зная, как назвать это пугающее чувство, похожее на предчувствие бури.

Ингвар же судорожно выдохнул, и облако морозного пара коснулось её лица. Его взгляд на мгновение встретился с её глазами — и Марийке показалось, что в этой ледяной синеве она увидела отражение собственного смятения. Он смотрел на неё так, словно наконец нашёл то, что искал всю жизнь, но боялся к этому прикоснуться.

— Марийка! — голос матери из сеней заставил её вздрогнуть. — Я заведу его в дом, а ты беги к лесу, к бабке Степа-

ниде! Скажи — срочно!

Девушка быстро, дрожащими руками закрепила поводья, чувствуя, как внутри неё всё ещё дрожит та самая невидимая струна.

— Беги же! — прикрикнула Дарья, уже накидывая на плечи чистую шаль. — Только Степанида знает, как такую стужу унять, пока он наш очаг в ледяную могилу не превратил.

Марийка бросила последний, полный неясной тревоги взгляд на всадника, который, тяжело опираясь на косяк, переступал порог их избы. Затем она выбежала за калитку, но на миг оцепенела: на самом краю поля, там, где только что догорало солнце, внезапно замолкли птицы.

А по золотой пшенице, вопреки слепополуденной жаре, поползла странная, угольно-чёрная изморозь. И шла она вовсе не от всадника. Она ползла из леса — мёртвая, сосущая свет тьма, идущая прямо навстречу девушке.

Глава 3. Тень за стеклом

Марийка неслась к лесу, захлёбываясь воздухом, который на глазах превращался из жаркого марева в колючее ледяное крошево. Каждое дыхание обжигало лёгкие, точно она глотала битое стекло. В голове царил хаос: она никак не могла осознать, кто этот всадник на самом деле. Можно ли доверять тому, кто дышит стужей? И не совершила ли она роковую ошибку, когда сама, видя его полное бессилие, решила привести лихо в деревню?

Но больше всего её терзал образ того, что случилось там, в золотом поле. Она до боли закусил губу, вспоминая, как сырая земля со стоном разверзлась, выпуская на волю те исполинские, корявые корни. Марийка не знала, что это была за сила — добрая ли, пришедшая на защиту, или тёмная, вырвавшаяся из самых глубин Нави. Она никогда не слышала, чтобы деревья оживали по воле испуганной девчонки, и это пугало её едва ли не сильнее, чем сам ледяной чужак.

Перед глазами всё ещё стоял тот чернильный вихрь, из которого соткался всадник. Марийка кожей чувствовала хлопанье сотен крыльев и слышала надрывный, каркающий крик воронья, что застилал солнце. Птицы не просто кружили — они были частью этого морока, его глазами и когтями. И теперь, в звенящей тишине леса, ей казалось, что за каждым деревом прячется чёрная тень, готовая снова взмыть

вверх вестником беды.

Она помнила тот миг: как его ледяная броня покрылась инеем. Как он почти не соскользнул в умирающее море пшеницы под ударом тех самых жутких ветвей. В тот момент её страх проиграл совести. Но теперь этот выбор казался безумием, граничащим с предательством.

Непостижимый жар в груди только нарастал. Старый амулет, который она привыкла считать просто семейной безделушкой, вдруг раскалился, точно в него плеснули расплавленным свинцом. Почему деревянная оправа начала выжигать кожу именно тогда, когда она встретилась взглядом с всадником на его вороном, отливающим мертвенной синевой коне? Был ли это знак близкой смерти или камень в сердце амулета пытался кричать о чём-то, чего её разум ещё не был готов принять?

Девушка судорожно прижала ладонь к холстине рубахи. Камень под пальцами пульсировал, словно живое, израненное сердце. Перед глазами на миг всплыло утро её шестнадцатилетия: золотистый свет в окнах и спокойный, тёплый голос матери. Дарья тогда просто одела плетёный шнурок ей на шею и сказала, что это их семейный оберег. Марийка и представить не могла, что наступит день, когда этот подарок начнёт выжигать её изнутри.

Пыль под её ступнями, ещё недавно горячая, теперь ошетилилась ледяным холодом. Мир стремительно терял краски, серея на глазах. Сама Навь словно облизывала границы

их мира, готовясь к прыжку.

Девушка едва не вынесла дверь плечом. Она влетела в избу к знахарке, задыхаясь, с расширенными от ужаса глазами. В горнице пахло сушёной полыньёю, древесной смолой и чем-то приторно-сладким, похожим на запах свежего мёда и старой смерти.

Деревенская знахарка даже не обернулась на грохот двери. Она стояла у печи, и её сутулая спина казалась застывшим серым валуном в полумраке избы. Степанида мерно помешивала в чугушке густое, тёмное варево, которое пахло болотом и старыми тайнами. В тусклом, дрожащем свете лучины её седые волосы, заплетённые в тугую косу, отливали холодным серебром.

— Баб Степанида! — выдохнула Марийка, мёртвой хваткой вцепившись в косяк, чтобы не рухнуть. Ноги её дрожали, точно после долгого бега по тонкому льду. — Там... всадник! Он совсем леденеет, матушка велела сказать...

— Присядь, — негромко, но с такой властью, что спорить было невозможно, перебила её знахарка. Она даже не вздрогнула от резкого стука двери. — Дыши ровнее, девка. От твоей суеты отвар горчит, а смерть за порогом только сильнее скалится.

— Какое «присядь»?! — Марийка едва не задохнулась от возмущения и страха, который выжигал её. — Это срочно! Нам нужно спешить в нашу избу, пока он не выпил всё тепло из матушки!

— Я знаю... — Степанида наконец повернула голову. Её глаза, мутные и глубокие, точно затянутое ряской лесное озеро, смотрели не на Марийку, а куда-то сквозь неё, в ту самую пустоту, откуда пришёл чужак. — Знаю, кто у тебя в доме. Но если я сейчас не доварю этот настой, твоему «срочно» цена будет — грош в базарный день.

Она сделала короткий, властный знак рукой, подзывая Марийку ближе.

— Не стой столбом. Достань с верхней полки синюю банку. Ту, что за пучками зверобоя припрятана. В ней растёртый корень белоголовника, что на крови вырос.

Марийка замерла в нерешительности, но суровый, давящий взгляд знахарки заставил её подчиниться. Она потянулась к полке, и в этот миг её пальцы снова обожгло тем самым странным, томительным жаром. Стоило ей коснуться холодного, запылённого стекла банки, как по ладони пробежала знакомая звенящая струна, отдаваясь пульсом в самом амулете. Марийка быстро схватила сосуд и передала его Степаниде, изо всех сил стараясь не выдать дрожи в руках.

Знахарка высыпала щепотку серого порошка в котёл. Варёво мгновенно вспыхнуло призрачным голубоватым пламенем, осветив морщинистое лицо старухи. И тут же остыло, превратившись в прозрачную, как слеза покойника, жидкость.

— Готово, — Степанида резким, почти молодым движением сняла чугунок с огня и подхватила заранее собранную

котомку. — Пошли. Холодный гость не любит ждать, а время сейчас течёт, точно кровь из открытой раны.

Марийка даже не удивилась тому, что знахарка прознала о чужаке, не переступая порога их избы. В деревне давно шептались: Степанида — человек не здешнего мира. Она видит то, что скрыто от глаз обычных смертных под плотной пеленой суетных будней.

Они вышли на крыльцо, и Марийка невольно прижала ладонь к губам, подавляя крик. Лес, который она знала с пелёнок, изменился до неузнаваемости. Наступила мёртвая, ватная тишина — такая бывает только в самый лютый мороз, когда даже воздух боится шелохнуться, чтобы не рассыпаться колючим льдом. Собаки в деревне, обычно брехавшие на каждый шорох, разом замолкли. Птицы не летали, не чирикали. Их словно вычеркнули из этого мира, оставив лишь пустые, внезапно заиндевелившие ветви.

Всё вокруг: трава, широкие листья лопухов у порога, низкие лапы елей — покрылось тонким, прозрачным инеем. Он не сверкал на свету, а казался серебристой, пыльной дымкой, высасывающей из земли последние краски жизни.

Степанида замерла, вглядываясь в сизые сумерки. Её лицо, обычно суровое, сейчас казалось высеченным из камня, древним и безжалостным.

— Не думала я, что всё так быстро будет, — негромко, почти про себя произнесла знахарка, и её голос потонул в тиши.

Марийка почувствовала, как по спине поползли ледяные мурашки. Она невольно схватилась за свой оберег, сжимая его так крепко, что дерево больно врезалось в ладонь. Острые края амулета дарили странную уверенность: пока есть эта боль, она ещё жива.

— Неужели это всё правда, бабушка Степанида?... — Марийка с трудом узнала собственный голос: ломкий, пропитанный суеверным страхом. Она смотрела на белизну под ногами, где иней не таял под солнцем, а жадно вгрызался в живую траву, выпивая из неё цвет. — Всё, что он говорил... про холод, про искру... Ингвар... он ведь предупреждал о великой напасти. Сказал, что его мир уже мёртв, выпит стужей до самого дна. — Она запнулась. Само слово «Искра» обжигало язык, казалось чужим и опасным. — Что я какая-то... Искра.

Знахарка медленно повернула голову. Её мутные глаза, точно затянутая льдом полынья, смотрели куда-то сквозь девушку, в самую суть наступающих теней.

— Правда или нет, а иней под твоими ногами не лжёт, — проговорила она. — Судьба не спрашивает, готова ты или нет, Марийка. Она не стучится — она выламывает ворота.

Степанида быстрым, неожиданно лёгким шагом направилась к дому. Её сапоги сухо, со скрежетом крошили обледенелую землю, и этот звук в мёртвой тишине леса казался оглушительным. Девушка едва поспевала следом, чувствуя, как амулет на груди вибрирует всё яростнее, отзываясь на близость всадника громоздким, горячим пульсом.

Массивная дверь избы захлопнулась, отсекая ватное безмолвие леса, но внутри было немногим теплее. Мороз уже пробрался в горницу, расцветая на бревенчатых стенах колючими, серебристыми узорами. Ингвар сидел на лавке, тяжело уронив голову на грудь. Его дыхание было редким, напуганным, а от почерневших доспехов валил густой пар, точно из разверзнутой могилы.

— Не получилось его уложить! — выпалила Дарья. В её глазах плескался первобытный ужас. — Сопротивляется, точно раненый зверь.

— Оставь, Дарья. Не ложе ему сейчас надобно, а огонь в жилы, — пренебрежительно отрезала знахарка.

Степанида не теряла ни секунды. Она достала из котомки дымящийся чугунок, и по избе в сию же секунду разлился резкий, горький аромат трав, перемешанный с запахом талого льда и застарелой боли.

— Пей, — властно произнесла знахарка, поднося ковш к серым губам всадника. — Ты выжег свою силу до самой золы, пока рвал Завесу, пробиваясь к нам из Истинного Севера. Тебе не хватило всего шага, и Вечная Стужа успела оставить в тебе свой укол. Этот лёд теперь не снаружи на броне, он внутри — в самой твоей крови.

Ингвар послушно сделал глоток, и Марийка увидела, как его горло свела болезненная судорога — горькое варево знахарки жгло его изнутри, вступая в схватку с могильным холодом. Иней на его стальных плечах начал осыпаться мелкой

серой пылью, точно пепел от давно сгоревшего костра.

— Ему нужно время, — Степанида обернулась к Марийке, и взгляд её глубокий, точно омут в глухом лесу, был суров. — Отвару надобно подействовать, чтобы этот «укол» Стужи перестал рвать его жилы. А тебе, девка, спать пора. Завтра солнце встанет над иным миром, и путь твой будет долгим. Если не наберёшься сил сейчас, Стужа сожрёт тебя на первом же перекрёстке, не оставив даже костей.

Марийка хотела возразить, но навалившаяся внезапно усталость была такой тяжелой, липкой, словно ей на плечи накинули меховой тулуп, набитый речными камнями. Ноги стали чужими, непослушными. Она едва доплелась до своей лежанки и рухнула на солому, даже не пытаясь снять пропитавшийся пылью сарафан. Тьма за веками была густой, как смола, и шёпот за догорающей лучиной казался Марийке лишь частью наплывающего, душевного сна.

— Степанида, скажи... неужто это всё из-за камня? — голос Дарьи дрожал, срываясь моментами на сиплость. — Ма-тушка мне подарила его в шестнадцать лет, а ей — её ма-тушка. И когда Марийке исполнилось столько же, я выполнила наш старый обычай. Я ведь думала... думала, он просто оберег, чтобы удачно замуж выйти. А оно вон как вышло... Лихо в дом навлекла...

— Нет, Дарья, не камень беду накликал, а срок подошёл, — сухо отозвалась знахарка. Марийка услышала тихий, жалобный звон металла о глину — Степанида собирала свои

снадобья. — Бабка моя, царствие ей небесное, сказывала: когда Великая Стужа проснётся, она пошлёт за Искрой своих самых верных псов. Собирателей — прозрачных слуг Древнего Холода. У них нет плоти, только вечный, неутолимый голод по чужому теплу. Они выпьют твой мир и не заметят.

Степанида хмуро взглянула на всадника, чьи глаза в полумраке горницы светились неживым, потусторонним блеском.

— Всадник этот, Ингвар... он ведь из самого Истинного Севера шёл, силы свои в пепел сжёг, лишь бы Искру найти. Видишь, как его «укол» Стужи ест? Это он за переход заплатил, чтобы в нашу деревню, в наши Медовые Росы, и «напасти» предупредить. И спасти нас сможет только Источник Истинной Жизни. Если не дойдут — Стужа выпьет этот мир до капли, оставив лишь безмолвную ледяную пустыню.

Марийка приоткрыла веки, и мир перед ней поплыл, точно в мутном зеркале. Инвар не ложился. Он застыл у самого окна, прямой и неподвижный, словно высеченное из тёмного гранита изваяние. Его рука в латной перчатке намертво сжала рукоять меча, будто от запредельного напряжения. Несмотря на отвар Степаниды, иней на его плечах продолжал нарастать, с едва слышным хрустом осыпаясь на пол ледяной пылью. Он не спал — он нёс караул. В полумраке избы его глаза изредка вспыхивали холодным, нечеловеческим сиянием, устремлённым в непроглядную густоту двора.

— Я чувствую, Собиратели уже близко, — донёсся голос

Степаниды, становясь всё тише, словно утасажющее эхо. — Чуют амулет, чуют Искру в твоей дочке, Дарья.

Знахарка резко встала и начала быстро ходить по избе, широким жестом раскидывая по углам бережный порошок. Он ложился на половицы серой пылью, и в воздухе мгновенно запахло жжёной полынью и грозой.

— Помогай, Дарья! — приказала старуха. — Это поможет спокойно пережить ночь. Если повезёт.

Марийка хотела вскинуться, закричать, спросить, но свинцовая усталость снова придавила её к соломе. Тело стало чужим, неподъёмным. Сознание гасло, как лучина на сквозняке.

Последним, что она услышала, был тихий, вкрадчивый звук за окном. Словно кто-то или что-то снаружи, за тонкой, беззащитной стеной избы, медленно вело длинным, костяным когтем по дереву. Скрежет был осторожным, почти ласковым, и от этой нежности Марийку прошиб ледяной пот.

— Ма-рий-ка... — прошелестел лишённый тепла голос, больше похожий на шорох сухой листвы в разверзнutoй могиле.

Она увидела в окне высокую, неестественно тонкую тень, которая перекрыла бледный свет луны.

«Сон... просто липкий сон», — была её последняя мысль, прежде чем вязкая тьма окончательно сомкнулась над ней, утягивая в глубины Нави.

Глава 4. Иней на пороге

Марийку вырвали из забытья первые лучи рассвета. Но они не были ласковыми и золотистыми, какими положено быть в августе, — в избу врывался бледный, мертвенный свет, словно процеженный сквозь ледяное сито Нави. На мгновение ей показалось, что всё произошедшее вчера: и израненный всадник в поле, и жуткий холод, и призрачная тень за стеклом, всё это было лишь затянувшимся, странным сном.

Она покрепче зажмурилась, отчаянно пытаясь вернуться в своё обычное утро, пахнущее парным молоком и согретой солнцем пылью. Но в груди, прямо под деревянным амулетом, теплилось иное чувство. Это не был просто страх, хотя сердце колотилось где-то в самом горле, мешая дышать. Это было томительное, тягучее притяжение к тому, кто принёс в их дом этот небывалый холод. Марийка не понимала, почему её так тянет обернуться. Словно внутри неё разгорелся крошечный фитилёк, который вопреки воле тянулся к ледяному дыханию чужака, ища его в предрассветных сумерках, как единственный ориентир в тумане.

Но, открыв глаза, она поняла, что морок не кончился.

За окном всё было подозрительно белым. Вместо сочной зелени двора Марийка увидела застывший, обесцвеченный пейзаж. Иней толстым, колючим слоем лежал на всём: на

покосившемся заборе, на согбенных ветках любимой старой яблони, на поникшей траве. Лето исчезло, уступив место безжалостной зиме, пришедшей всего за одну ночь.

Девушка неохотно перевела взгляд на подоконник — туда, где ночью ей виделось длинное, когтистое нечто. Сердце предательски ухнуло вниз. На потемневшем дереве рамы, прямо поверх свежей изморози, отчётливо белели три глубокие, рваные борозды. Щепка была вывернута так, ровно саму плоть дома кромсали чем-то острым. Тот ночной шёпот, звавший её по имени, был так же реален, как этот внезапный холод. Марийка невольно коснулась амулета на груди, который сейчас был холодным, как обычный камень. Но казалось, что он тоже затаился перед большой бедой, экономя остатки внутреннего жара.

Затем она резко обернулась и тут же замерла, встретившись взглядом с Ингваром. Всадник не просто не спал — он выглядел невероятно живым, полным пугающей, первобытной силы. Он сидел на лавке, расправив широкие плечи, и в его осанке больше не было вчерашней обречённости. Отвар Степаниды сотворил чудо: безжизненная бледность ушла, уступив место суровой уверенности. Тёмные вены на его шее, след того самого «укола», всё ещё были видны, но теперь они казались не раной, а частью его грозной иномирной брони.

Его холодный взгляд пронзил Марийку насквозь, и то самое необъяснимое чувство в груди отозвалось резким, го-

рячим толчком. Он смотрел на неё не как защитник, а как охотник, который наконец дождался рассвета и готов забрать свою добычу.

— Марийка, ты проснулась? Вставай быстрее! — голос матери прозвучал громко, сорвавшись на высокую, дребезжащую ноту.

Дарья не на шутку была напугана. Она металась от печи к столу, и её движения, обычно плавные и уверенные, стали рваными, суетливыми. Мать кутала в плотную холстину ещё горячий хлеб и куски подсоленного сала, словно пытаясь передать им тепло родного очага, которое им больше не принадлежало. Туда же, вглубь мешка, она сунула тугой свёрток с ещё некоторыми запасами. Руки её дрожали так сильно, что она дважды роняла завязки холщового мешка. В дорожную суму матушка с какой-то отчаянной поспешностью запихивала сменные рубахи, шерстяные носки и старый отцовский нож в кожаных ножнах — всё, что могло хоть как-то защитить её единственное дитя в пути, в который она сама её и отправляла.

Степанида же была воплощением каменного спокойствия. Она занимала край стола, методично расставляя глиняные флаконы, и от её фигуры веяло древней, незыблемой силой. Её длинные узловатые пальцы уверенно затягивали горловины кожаных мешочков с обережным порошком. Она не суетилась, но каждое её движение было наполнено скрытым смыслом: вот она вложила в руку Марийке тяжёлый флакон

с горьким отваром, а вот спрятала в складки её одежды заговорённую кость.

Всё это время Марийка всё ещё чувствовала на себе взгляд Ингвара. Всадник не шевелился, но его присутствие заполняло собой всю избу, вытесняя привычный уют. То самое необъяснимое притяжение снова отозвалось в её груди томительной дрожью. Она боялась смотреть на него, зная, что в его глазах увидит отражение того самого холода, который теперь стал их общим будущим.

— Пей, когда почувствуешь, что холод подступает к самому сердцу, — приказала Степанида, кивнув на склянку. — И не снимай плетёный шнурок, даже если он начнёт жечь кожу. Это твоё единственное спасение.

Когда они наконец распахнули тяжёлую дверь, Марийка зажмурилась от внезапного, серебряного света. Мир за порогом онемел. Трава, ещё вчера сочно-зелёная, теперь стояла хрупким белым строем, закованная в алмазный панцирь инея. Лето даже не пахло.

Марийка зябко поёжилась, кутаясь в широкую шерстяную душегрею, отороченную густым мехом. Эта одежда, пахнущая родным домом и сушёной мелиссой, казалась сейчас единственной, пугающе хрупкой преградой между ней и наступающей вечной зимой. Поверх сарафана на ней был плотный тканый пояс — как последний круг защиты, а на ногах — мягкие сапожки из чесаной шерсти, которые едва ли спасали от ледяных игл под ногами.

Перед самым выходом Степанида придержала девушку за локоть и прошептала на ухо:

— Слушай и запоминай, Марийка. Ингвар пришёл сюда, пробив брешь в Завесе, но назад тем же путём вам не вернуться. Врата захлопнулись навсегда, отрезав вас от привычного мира.

Знахарка сжала её руку так сильно, что косточки жалобно хрустнули, впечатывая слова в самую память.

— Вам придётся пройти весь путь до Истинного Севера по земле, шаг за шагом. Держитесь закатного солнца, пока не увидите Железный Кряж. Там, среди острых скал, пролегла Белая Межа — единственное место, где наш мир и его холодные чертоги соприкасаются краями. Только там, где земля треснула под весом Стужи, вы сможете нащупать тайную тропу в иномир.

Степанида придвинулась ещё ближе, её дыхание пахло горькой полынью и старыми заговорами:

— Не верь глазам в тумане, верь только сердцу. Когда шнурок на шее станет тяжелее камня — значит, Межа близко и реальность истончилась до предела. Помни и это, что за этим рубежом холода законы людей больше не властны. Воздух станет ядом, а тени — судьями.

В это время у калитки начал собираться народ. Мужики в наспех накиннутых тулупах и бабы с перепуганными, воспалёнными глазами сгрудились в плотную, гудящую толпу. Воздух между ними дрожал от напряжения, готовый вспых-

нуть в любой миг.

— Ишь, вышли! — выкрикнул кто-то из толпы, и этот голос, полный ядовитой злобы, разрезал морозный воздух. — Поглядите на него! Чужак беду накликать! Панкрат, это ты разрешил ему остаться! И вот что вышло!

— Гляньте на поля! Пшеница почернела! — запричитала старая Марфа, тыча заскорузлым пальцем в сторону заиндевевших лугов. — Это он, всадник проклятый, зиму среди лета привёл! Смерть на хвосте притащил!

— А я говорил! — недовольно рявкнул кузнец, угрожающе потрясая сверкающим лезвием топора. В его глазах, налитых кровью от страха, плясали недобрые искры.

Панкрат вышел вперёд, нервно поправляя облезлую шапку. Его лицо, изборождённое глубокими морщинами, как старая, потрескавшаяся кора древнего дуба, сейчас казалось мертвенно-серым от пробирающего до костей ужаса.

— Тише вы! — осадил он гудящую толпу, а потом тихо повернулся к крыльцу. — Марийка, Дарья... Мы вас не гнали, разрешили остаться до утра. Но поглядите кругом! Август мёртв! Пшеница почернела в одну ночь, точно её выжгло дыханием самой Нави! Как нам жить дальше?! Уводи своего гостя, девка, пока мужики за вилы не взялись. Его холод нас всех в сырую землю заколотит!

— Как вам не совестно! — Дарья рванулась вперёд, заклоняя собой Марийку. Она, всегда тихая и покорная, сейчас стояла с высоко поднятой головой, и в её глазах, обыч-

но добрых и светлых, яростно сверкала сталь. — Моя дочь спасла жизнь человеку, а вы на неё, как волки на ягнёнка, ополчились! Не она зиму привела, не она поля губила!

— Будет вам! — голос Степаниды ударил по толпе, точно кованная плеть. Она вышла на крыльцо вслед за остальными, и гул мгновенно притих, сменившись ватным молчанием. — Глупцы. Вы думаете, уйдёт всадник — и солнце вернётся? Стужа уже здесь, она за порогом ждала, а он лишь первым её дыхание на доспехах принёс. Не его вините, а свои закрытые сердца. Расступитесь, если жизнь дорога!

Ингвар шагнул с крыльца первым. Каждый его шаг по обледенелым ступеням отдавался тяжёлым, уверенным стуком, от которого у Марийки внутри всё замирало. Он не удостоил толпу ни взглядом, ни словом. Всадник просто шёл сквозь расступающихся в ужасе людей к коновязи, где застоялся его вороной конь, отливающий мертвенной синевой. Животное вскинуло голову, выбивая копытом искры из мёрзлой земли, и встретило хозяина звуком, похожим на треск ломающегося льда.

Ингвар перекинул через луку седла массивную кожаную перемётную суму, набитую яблоками и другой едой, что собрала мать. В этот миг Дарья, бледная и дрожащая, в последний раз рванулась к дочери. Прижав её к себе так крепко, она пыталась передать ей всё тепло своего сердца.

— Береги себя, дочка... И никому не доверяй... — прошептала Дарья. Потом она вцепилась в плечи Марийки так

отчаянно, словно пыталась удержать её в этом уходящем, тёплом прошлом.

Марийка судорожно выдохнула, чувствуя, как к горлу подкатывает колючий ком. Она на мгновение сжала ладони матери, и в глазах девушки Дарья увидела не прежний детский страх, а новую, пугающую глубину.

— Матушка... — голос Марийки окреп, отражая холодный блеск инея вокруг. — Прости, что не верила сказкам, что бабка Степанида сказывала. Раньше я думала — морок это всё, сказки для малых детей... А теперь вижу, что правда это. Всё до последнего слова. Огонь в сердце — это не легенда, это моя ноша. И я сберегу его, матушка. Слышишь? Сберегу его ради тебя. Люблю тебя, родная.

Девушка быстро, боясь, что решимость испарится, отстранилась и инстинктивно прижалась к плечу всадника. В эту секунду её обдало таким холодом, что перехватило дыхание, ведь доспехи Ингвара были ледяными. Но стоило ей коснуться лат, как деревянный амулет на её груди под меховой одеждой яростно, почти болезненно толкнулся в рёбра.

Сквозь слои шерсти пробилось яркое рыжее сияние. Марийка почувствовала, как по её рукам к всаднику перетекает живое, пульсирующее тепло. Ингвар на мгновение замер. Его взгляд встретился с её глазами, и в этом столкновении вечного льда и первобытного пламени Марийка ощутила томительное, пугающее притяжение, от которого сердце пропустило удар.

— В седло, — коротко бросил он. Его голос, сухой и ломкий, как старый лёд, мгновенно заставил притихшую толпу замолчать.

Ингвар легко, словно пушинку, подхватил Марийку и усадил впереди себя. Синий конь сорвался в галоп, высекая из мёрзлой земли серебристую крошку. Они неслись прочь из деревни, оставляя позади крики, проклятия и плачущую на дороге Дарью. Впереди была лишь белая мгла, которая теперь стала их единственным домом.

Глава 5. Зеркало стужи

Они неслись до самого полудня, и мир вокруг Марийки менялся с пугающей, болезненной быстротой. Копыта вороного коня вминали в мёртвую, обледелую землю золотые колосья пшеницы, которые ещё вчера звенели от жаркого зноя. Теперь же они стояли хрупкими, стеклянными изваяниями и рассыпались в ледяную пыль под тяжестью призрачного скакуна. Вскоре мимо пролетел луг, где ещё вчера Марийка собирала васильки, но теперь лепестки цветов чернели в инее, точно обуглившиеся лоскутки ткани. Дальше мелькнула окраина чужой деревни. Люди там в ужасе забились в хаты, увидев синего коня и ледяной шлейф, тянувшийся за ним. Для них они были вестниками конца света, тенями, пришедшими из самой Нави.

В самом зените, когда обескровленное солнце затаилось в небе, не давая ни капли тепла, Ингвар свернул к зарослям у реки. Здесь, под защитой старых, почерневших ив, он резко осадил коня.

— Привал, — коротко бросил всадник. Его голос прозвучал как треск ломающегося льда.

— Хорошо, — едва слышно согласилась Марийка.

Ей и самой отчаянно хотелось остановиться, хотя бы на миг перевести дух. Внутри всё слишком быстро закрутилось в безумном вихре. Ещё вчера она была обычной девушкой,

помогавшей матушке по хозяйству, а сегодня её отправили спасать мир, который на глазах превращался в ледяную пустыню.

— Вороному нужен отдых, чтобы набраться сил, — глухо произнёс он, глядя, как конь жадно хватает странное, подёрнутое сизым инеем зерно. Ещё на родине Вороной получил такое имя из-за любви к житю. — Он прорвал Завесу в единый миг, а отвара для него не нашлось. Степанида запретила — сказала, человеческое зелье выжжет зверю сердце. В вашем мире для него нет пищи, способной утолить этот иномирный голод.

Закончив со зверем, Ингвар обернулся к девушке. Он не сводил с неё глаз, но в его взгляде была лишь холодная, режущая сосредоточенность. Марийка кожей чувствовала это внимание, от которого по спине пробежал ледяной озноб.

— Тебе тоже нужно поесть, — скомандовал он. — Следующий привал будет только к ночи. Конь выдохнется совсем, а в темноте он видит плохо.. его глаза привыкли к иному, призрачному свету.

Марийка упрямо сжала губы. Голод был последним, о чём она сейчас могла думать. Внутри неё всё стянуло тугим, болезненным узлом от страха и тоски по дому. Ей казалось, что если она проглотит хоть кусочек, то окончательно признает, что пути назад нет и лето осталось в прошлом, за закрытыми воротами родной деревни. Но суровый взгляд всадника не оставлял выбора. Поэтому она медленно запустила

руку в суму и достала яблоко, припасённое матерью. Красный, гладкий бок плода казался в этом сером, заиндевевшем лесу чем-то нереальным, последним осколком утраченного тепла.

— А ты... разве ты не будешь? — голос Марийки дрогнул, точно надломленный стебель. Она протянула ему яблоко — алое, пахнущее летним солнцем и матушкиным садом.

Ингвар обернулся, с тем самым пугающим скрежетом промёрзшей стали. Он не удостоил яблоко даже взглядом. Тяжёлая латная перчатка — холодная и бездушная, как могильный камень, коснулась её пальцев, мягко, но неоспоримо отстраняя руку с угощением.

— Мой голод утоляется иным: битвой и волей, Искра. Пока в моих жилах течёт магия Севера, я могу обходиться без еды днями. Но ты... ты слишком хрупкая. Если ты ослабнешь, Стужа выпьет твою жизнь за один вдох. Береги каждый кусок. Для тебя это последний запас тепла.

— Хорошо. Только зови меня Марийкой, — выдохнула она, пряча яблоко в складках одежды, словно пытаясь укрыть его от его ледяного взгляда. — Я... мне пока непривычно быть Искрой. Словно ты зовёшь не меня, а кого-то чужого, кто стоит за моей спиной. А я же просто Марийка. И мне страшно.. что я не справлюсь с тем, что ты во мне видишь.

— Привыкнешь. Холод не оставляет выбора, — Ингвар снова посмотрел на неё — сурово, в упор, и в глубине его

глаз вспыхнуло синее пламя. — Искра — это не наряд, который можно скинуть. Это твоё нутро. В тебе горит рябиновый огонь.

— Рябиновый?.. — она удивлённо моргнула, коснувшись амулета на груди.

— Рябина горькая, но её ягоды не боятся мороза. Они наливаются цветом, когда всё остальное в лесу сдаётся Стуже. Твой огонь такой же. Ты сама ещё не знаешь, как больно твоё тепло может обжечь того, кто рискнёт его погасить.

Марийка вздохнула. Его слова прозвучали как приговор, от которого не скрыться под привычной холстиной. Она отвернулась к реке, но в этот миг под деревянным амулетом внезапно зашевелилось что-то иное. Что-то тёмное, вязкое, точно древесная смола. Это не было страхом. Скорее, странное, ядовитое желание сдаться, пойти на зов этого оцепенения, обещавшего вечный покой. Чтобы прервать этот тяжёлый диалог и унять внутреннюю дрожь, она ускорила шаг.

Ингвар не смотрел ей вслед. Он был занят Вороным. Всадник опустился на одно колено и сосредоточенно вычищал из-под подков коня намёрзшую ледяную крошку и комья земли. Его спина, обтянутая чёрной сталью, казалась неподвижной частью скалы — такой же чужой, древней и беспощадной.

Марийка подошла к самой кромке реки. Вода в ней казалась неестественно густой, словно в русло налили расплавленный свинец, скованный по краям острым, как бритва, ко-

лючим льдом. Девушка опустилась ближе, чувствуя, как могильный холод от берега пробирается даже сквозь плотный мех сапожек. Стоило ей окунуть ярко-красное яблоко в эту чёрную, вязкую жижу, как по лесу пронёсся странный, прерывистый вздох.

— Марийка... — нежный, до боли знакомый шёпот коснулся самого её уха, заставив сердце пропустить удар.

Девушка вздрогнула и оцепенела, не вынимая рук из ледяной воды.

«Это просто ветер, — судорожно подумала она, и щёки её вспыхнули от невольного, болезненного смущения. — Глупая, совсем рассудок от страха потеряла... Материн голос в каждом шорохе мерещится».

Она хотела подняться, но в этот миг деревянный амулет на её груди повёл себя пугающе. Он не просто нагрелся — он начал мелко и часто вибрировать, словно раненая птица, бьющаяся в силках. Внезапно дерево стало тяжёлым, как огромный валун, потянувший её плечи вниз, к самой кромке бездонной воды.

— Иди к нам, доченька... здесь тепло... — голос зазвучал отчётливее, в нём хорошо слышался родной запах свежеспечённого хлеба и парного молока.

Марийка замороженно качнулась вперёд. Её воля таяла, точно весенний снег под июльским ливнем. Ей казалось, что если она коснётся этой солнечной глади, всё закончится — и бесконечный холод, и эта пугающая ноша «Искры», которую

она не просила. Её пальцы, немеющие от мороза, уже почти дотронулись зеркальной поверхности, когда Ингвар рывком рванул её назад за плечо, намертво обхватив поперёк груди стальной хваткой.

Яблоко, последний дар матери, выпало из её ослабевших рук и с тихим, глухим всплеском ушло под воду, мгновенно подёрнувшись сизой коркой льда.

— Не смотри! — прорычал Ингвар. Его дыхание, пахнущее озоном и горьким инеем, мгновенно привело её в чувство. — Это Зеркало Стужи. Ты коснулась его, и оно едва не забрало твою душу в свой вечный покой. Если бы я помедлил хоть секунду — твоё сердце застыло бы навсегда, обратившись в чёрный камень.

Затем всадник развернул её к себе, всё ещё не разжимая стальной хватки. Марийка оказалась прижата к его ледяной кирасе, и в этот миг она заглянула ему в глаза — буквально впритык.

Внутри неё всё заледенело. Это не был трепет свидания — это был первобытный ужас перед силой, которую она не могла понять. Её сердце колотилось о его доспехи так сильно, что, казалось, сталь должна была треснуть под этим живым, отчаянным ритмом. Она смотрела в его синие зрачки, как смотрят в бездну: замороженно и до дурноты страшно.

Ингвар замер. Его взгляд на миг стал громоздким, почти болезненным. Он смотрел на неё не с нежностью, а с мрачным удивлением, словно впервые за сотни лет осознал, что в

его руках живое и горячее существо. В его чертах промелькнула тень чего-то человеческого, но она тут же скрылась за маской векового холода.

Потом он коснулся её подбородка. Его палец в металле был холодным, как надгробный камень, и Марийка невольно вжала голову в плечи, ожидая удара или приказа. Но вместо этого сквозь мех её одежды пробилося золотистое марево. Иней на доспехе Ингвара с тихим, ядовитым шипением начал таять, превращаясь в струйки воды, которые обжигали его кожу не хуже калёного железа.

— В седло, — Ингвар резко отпустил её, почти оттолкнув. Он сделал это так быстро, словно её тепло было для него ядом. — Нужно двигаться дальше.

Марийка пошатнулась, едва не соскользнув сапожками на обледенелых камнях берега. Она смотрела, как он, не оглядываясь, широким, быстрым шагом направляется к Вороному. Только сейчас, глядя в его спину, закованную в мёртвую сталь, Марийка до конца осознала глубину своей беды. Вокруг стоял онемевший, чужой лес, затянутый белой мглой, в которой не было ни тропинок, ни примет.

— Откуда ты вообще знаешь, куда ехать? — выдохнула она вслед его удаляющейся фигуре, отчаянно пытаясь скрыть дрожь в голосе, которая выдавала её с головой. — Мы можем кружить здесь до самой темноты! Мы... мы даже не знаем, в какой стороне эта Белая Межа!

Ингвар обернулся, уже вскочив в седло, и указал на про-

мёрзшую и онемевшую землю.

— Вороной чует свой мир по запаху, Искра. Запах тлена и вечного сна не спутать ни с чем. Он тянется за нами...

Всадник наклонился к самому лицу Марийки, и она остолбенела, боясь даже вдохнуть этот воздух, пропитанный горьким инеем. В его зрачках, глубоких и тёмных, точно провалы в бездну Нави, она увидела отражение первой холодной звезды. Острая и безжалостная, она мерцала там, словно застывший во льду осколок иного неба.

— Нужно ехать. В этом лесу уже пахнет Севером, Марийка. Но не тем уютным, домашним севером, о котором поют в ваших сказках...

Он протянул ей руку в стальной перчатке. На этот раз его хватка была почти болезненной, железной. Он словно впечатывал её пальцы в холодный металл, не давая ни единого шанса на побег. Марийка почувствовала, как амулет на её груди снова толкнулся в рёбра, отзываясь на это прикосновение тяжёлым, предупреждающим жаром.

— Твой мир заканчивается здесь, — Ингвар легко втянул её в седло перед собой, и его голос прозвучал над самым её ухом как треск ломающегося льда. — Дальше начинается мой.

Глава 6. Золотая петля

— Ингвар, мир твой... откуда пришёл... он хоть чем-то похож на мой? — Марийка спросила это громко, почти с вызовом, не оборачиваясь и покрепче вцепившись в гриву Вороного.

— Да, — коротко бросил он.

— Скупо... — хмыкнула она, чувствуя, как внутри закипает привычное деревенское упрямство. — Слов бережёшь, будто они из чистого золота... Поэтому ты так легко понимаешь мой язык? Деды в деревне по вечерам у костра шептались, что есть лишь мир людей и мир духов. Получается, ты... один из тех, кто не нашёл покоя? Дух в железной банке?

Ингвар на мгновение придержал поводья. В его голосе промелькнуло нечто, подозрительно похожее на горький оскал.

— Искра, — произнёс он, и это имя снова кольнуло её, как осколок льда. — Разве духи могут быть настолько осязаемыми? Разве они умеют истекать кровью и чувствовать, как мороз рвёт жилы?

— Знахарка Степанида много чего болтала в детстве, — Марийка наконец рискнула обернуться, в упор глядя в его ледяные глаза. — Говорила, что у духов вовсе нет сердца. Но если твоё — из настоящего льда, Ингвар... оно хоть когда-нибудь грело? Или ты только забирать тепло мастер?

Ингвар промолчал. Эта тишина была тяжелее любого ответа. Лес, в который они углубились, казался онемевшим, словно замершим в ожидании приговора. Здесь Стужа уже не просто гостила — она стала полноправной хозяйкой. Под копытами Вороного не было ни мягкого мха, ни упругой земли, только чёрная, промёрзшая корка, покрытая хрустальной изморозью. Деревья стояли с ледяными осколками вместо листьев, их ветви застыли в неестественных позах, точно тянулись к небу в немой просьбе о тепле.

Вороной шёл легко, казалось он не касался земли. В этом пустом, выбеленном инеем пространстве ему ничего не мешало. Конь будто плыл сквозь серую хмарь, и Марийке казалось, что они движутся по самому дну глубокого, ледяного колодца. Тёмная, вязкая тишина вокруг давила на плечи. Единственным живым звуком был редкий, сухой треск ломающихся веток. Звук, от которого по коже бежали мурашки.

Марийка теснее привалилась спиной к его груди, кожей чувствуя, как ледяной холод кирасы пробивается сквозь мех её душегреи, жала лопатки. Она была зажата в кольцо его рук, сжимавших поводья, и это пугало её не меньше, чем онемевший лес вокруг. Сизая изморозь, похожая на пепел от сгоревшего мира, оседала на их плечах, и Марийка понимала, что привыкает. Привыкает к его тяжёлому дыханию над самым ухом и к тому, что её жизнь теперь — лишь тень за его стальным забралом.

— Знаешь, в подполе у бабки Степаниды и то теплее бы-

ло, — негромко бросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал от близости всадника.

Ингвар не ответил, лишь сильнее натянул поводья, направляя Вороного сквозь густую хмарь. Его молчание давило сильнее любой угрозы. Марийка чувствовала себя добычей, которую охотник решил пока оставить живой. Он был её похитителем, разрушившим привычный дом, и в то же время оставался единственной скалой в этом бушующем ледяном море.

— Я ещё никогда не уезжала так далеко от своей деревни... — Марийка обвела взглядом тёмные тени деревьев, стараясь разговорить спутника. — Говорят, те, кто пересекает дальний лог, забывают дорогу назад. Ты поэтому молчишь? Ждёшь, когда я всё позабуду?

— Заметно, что ты впервые в пути, — брезгливо бросил всадник. Но звучало это без насмешки, а только как холодная констатация факта.

Вскоре Марийка невольно вздрогнула от внезапной вспышки. Лес оборвался так резко, что она кое-как успела зажмуриться и инстинктивно вжаться спиной в его холодные доспехи. После бесконечной синей мглы этот свет показался ей сказочным, почти нереальным.

Перед ними расстиралось бескрайнее ржаное поле, замершее в лучах вечного, медового заката. Воздух здесь был неподвижным и удивительно тёплым. Он пах пылью, сухой соломой и нагретой землёй. Теми запахами, которые Марий-

ка знала с детства.

Девушка жадно вдохнула это тепло, чувствуя, как меховая душегрея мгновенно стала невыносимо тяжёлой, почти удушающей.

— Неужели холод отступил? Или это очередной твой морок, чтобы я перестала огрызаться? — с надеждой, в которой сквозила привычная ей небольшая колючесть, спросила она.

— Он ещё сюда не добрался... — ответил Ингвар, и Марийка почувствовала, как его руки на поводьях напряглись.

Всадник придержал коня, заставляя его идти медленнее, точно он чувствовал неладное в этой медовой тишине. Марийка потянулась было рукой к золотистому колосу, мечтая ощутить его привычную, сухую шершавость, но Ингвар решительно перехватил её запястье. Его латная перчатка была обжигающе холодной на фоне этого внезапного зноя, и девушка вздрогнула от резкого контраста.

— Не трогай. Пожалуйста, — его голос стал чуть мягче, но стальные пальцы сжимали её руку по-прежнему твёрдо.

— Но это же просто рожь! — Марийка обернулась к нему, щурясь от яростного, слепящего света. В её глазах затеплилась отчаянная, почти детская вера в то, что дом совсем рядом. — Может, Стужа не всесильна? Может, мы нашли место, где она споткнулась, Ингвар?

Всадник неторопливо окинул взглядом горизонт, где солнце замерло, словно прибитое к небу ржавыми гвоздями. И в этот момент из-за исполинского стога сена тишину разо-

рвал весёлый, захлёбывающийся звон бубенцов.

— Оп-ля! Гляди, какая краля к нам заехала! — из-за золотой соломы, точно ядовитые искры, выскочила целая ватага.

Марийка вскрикнула, невольно прижавшись спиной к Ингвару и ища у него защиты, которую ещё вчера считала проклятием. Вороной отпрянул в сторону, громко и тревожно заржав — даже зверь чуял гниль за этим увеселением.

Это были скоморохи. В выцветших кафтанах, в пугающих масках-личинах, они окружили всадника плотным кольцом. Один из них, самый высокий и костлявый, подскочил к самому стремени. Марийка увидела, что его глаза светились ярко-зелёным, неестественным, светом. При этом они были похожи на застывшую, ядовитую смолу.

— Куда же ты, господин холодный, такую красу везёшь? — скоморох оскалится, обнажив острые, слишком белые зубы. — Пошлину плати, иначе тропу запутаем, в морок уведём!

— Мой конь не любит шумных дураков, — рука Ингвара привычно легла на эфес меча. В этот миг иней на его перчатке начал угрожающе потрескивать. — Уйдите, пока я не проложил путь сталью.

Ватага залилась сухим, лающим смехом, от которого у Марийки по спине поползли ледяные мурашки.

— Золото? Серебро? — Главарь махнул рукой. — Оставь его мертвецам. Нам твои железки без надобности. Мы дру-

гую плату берем.

— Чем же мы должны заплатить? — негромко спросила Марийка, но в этой медовой тишине он показался оглушительным.

Главный скоморох внезапно обомлел. Он склонил голову набок, точно стервятник, разглядывая её с такой жадной, плотоядной насмешкой, что Марийке до боли захотелось вжаться в ледяную кирасу Ингвара и навсегда исчезнуть в его тени.

— О-о-о, девица голос подала! — он подпрыгнул, звеня всеми бубенцами сразу, и этот звук полоснул по ушам, точно битое стекло. — Плата простая, девка-Искра. Вы должны послушать наши песни. Одну — чтобы войти в наше «лето», вторую — чтобы выйти из него живыми. Слушайте внимательно, не закрывайте уши, а не то Стужа заберёт их первыми!

Скоморохи обступили Вороного плотным, сковающим кольцом. Их берестяные маски-личины скалились в застывшем, мертвом смехе, а бубенцы на колпаках вызванивали рваный, тревожный ритм, от которого сердце Марийки начало сбиваться с такта.

— Откуда... — голос её дрогнул, но она заставила себя смотреть прямо в пустые, бездонные провалы глаз маски. — Откуда вы знаете про Искру? Мы ведь только на рассвете покинули деревню...

Скоморох зашёлся сухим, устрашающим смехом, похо-

жим на шелест гнилой соломы на заброшенном чердаке.

— Мы — эхо, Марийка-краса! — он крутанулся на одной ноге, точно безумный волчок. — Мы — пыль на дорогах, которые ведут в никуда. Мы знаем вкус твоего жара ещё с тех пор, когда он был лишь слабым дымом в твоей колыбели. Навь не забывает своих должников!

После, он ударил по струнам гуслей, и воздух вокруг мгновенно изменился. Яко, как перед грозой, пропитавшись запахом озона и старой травы. Остальные скоморохи замерли, их спины выгнулись в неестественном поклоне. Затем их голоса слились в пугающем, многоголосом песнопении:

— «Красная девица по полю шла,
В подоле пожар на Север несла.
А за ней следом — мёртвый венец,
Ледяной воевода, калёный свинец...
Коль огонь её вспыхнет — миру конец,
Коль лёд его примет — горький венец!»

— Уходите! Прочь! — перепуганно закричала Марийка. Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота от этого ядовитого песнопения. Бубенцы скоморохов не просто звенели, чудилось точно они ввинчивались в мозг раскалёнными иглами. Девушка судорожно вцепилась в холодные стальные наплечники всадника, пряча лицо на его груди и мечтая лишь об одном — чтобы этот медовый кошмар наконец закончился.

Ингвар ощутил, как её судорожная дрожь передалась ему

сквозь лёд доспехов. Ему не нужны были слов. Он почувствовал её страх как свой собственный, точно их жизни уже были сплетены в одну тугую нить. Не дав скоморохам допеть, он быстро бросил Вороного вперёд, унося Марийку прочь от этого безумия. Смех и звон мгновение преследовали их, а дальше оборвались так резко, словно захлопнулась громадная дверь склепа, оставляя всё зло за порогом.

Марийка зажмурилась, чувствуя, как жёсткие колосья ржи хлещут её по коленям, словно пытаясь удержать, стянуть в золотую бездну поля.

— Мы почти у леса! — крикнула она, приоткрыв глаза. Впереди, сквозь марево зноя, замаячила спасительная синяя полоса деревьев.

Но стоило Вороному сделать последний прыжок, как мир вокруг них ненатурально дрогнул. Лес нарочито отодвинулся, превратившись в бледное, мёртвое марево. А из золотистого тумана прямо под копыта коня выплыл всё тот же огромный стог сена. Те же самые скоморохи, застыв в издевательских поклонах, провожали их пустыми, чёрными взглядами берестяных масок.

— Стой! — Марийка, сидевшая впереди всадника, резко обернулась. Её лицо было белым, как полотно. — Мы скачем по кругу, Ингвар! Это морок! Поле не выпускает нас!

Ингвар не шелохнулся. Его широкая грудь, закованная в мёртвую сталь, непоколебимо подпирала девушку. Он ещё раз развернул Вороного, и на этот раз его голос прозвучал

над её ухом как удар хлыста, от которого воздух зазвенел:

— Вперёд, зверь! Рви завесу!

Вороной захрапел, высекая искры из сухой, онемевшей земли, и рванул прямо сквозь густую стену колосьев. Рожь хлестала их по лицам, пыль забивала лёгкие, но Ингвар не сбавлял темпа. Он гнал коня туда, где за золотистым маревом дрожала тень настоящего леса. Секунда, другая — и мир вокруг снова вывернулся наизнанку, обрушиваясь на них всё тем же пейзажем.

Тот же стог сена. Тот же захлёбывающийся, сводящий с ума звон бубенцов. И та же ватага скоморохов, застывшая в издевательских поклонах прямо на их пути.

— Да что же это такое?! — выкрикнула Марийка. Её голос почти сорвался на плач. — Ингвар, они нас не выпускают! Мы заперты в этом страшном кошмаре!

— Оп-ля! Снова здрасьте! — заулюлюкал Главарь.

Всадник резко осадил коня. Терпение его лопнуло, сменившись ледяной, режущей яростью.

— Прочь, падаль! — проревел он, и его голос ударил по полю, точно удар грома, заставив сам воздух содрогнуться.

С коротким, диким рывком он выхватил меч прямо над плечом девушки. Тяжёлая сталь свистнула в мареве зноя, с хрустом рассекая лоскутный кафтан существа от плеча до самого пояса. Марийка вскрикнула, зажмурившись и ожидая брызг крови, но из разрубленного тела скомороха посыпалась лишь сухая, гнилая труха, точно прах из костра. Гла-

варь даже не пошатнулся. Он только сложился в беззвучном хохоте, и его тело мгновенно срослось обратно, словно само время дало задний ход.

— Сталь не режет тень, воевода! — Главварь подскочил к самому стремени, уворачиваясь от очередного замаха. В его глазах-щелях вспыхнуло ядовитое пламя. — Ты можешь скакать до скончания времён, но круг замкнётся снова!

Поле вокруг них начало стремительно сжиматься. Невидимые стены из раскалённого, медового воздуха придвинулись к самому лицу, выжигая кислород. Марийка почувствовала, как её лёгкие наполняются горячей пылью вместо воздуха.

— Чего вы хотите? — прохрипел Ингвар, инстинктивно прижимая Марийку крепче к своим доспехам, тесно закрывая её от этих скверных знакомых. В этом жесте было столько же злости, сколько и отчаянного желания защитить.

— Песня выхода, воевода... Я же говорил, — прошелестел вкрадчивым голосом Главварь ровно, как змея в сухой траве. — Отдайте самое тёплое воспоминание. Одно на двоих. Только и всего... Сплетите их в нить, и.. узелок развяжется. Но запомните... что отдано Мороку, исчезнет из ваших душ навсегда.

Ингвар неспеша опустил меч. В ватной тишине поля было слышно только, как тяжело и хрипло дышит Вороной. Всадник медленно, словно преодолевая сопротивление густого, вязкого воздуха, начал стягивать латную перчатку с правой

руки.

— Искра — его голос был пугающе тихим, лишённый всяких эмоций. — Дай мне руку. И не смей закрывать глаза.

Глава 7. Пепел забытых слов

— Ты уверен? — голос Марийки дрогнул, точно надломленный стебель. Она в последний раз оглянулась на скоморохов, которые ехидно скалились в своих берестяных масках, изображая издевательские поклоны. — Отребье разукрашенное! Не зря я в вас в детстве гнилыми яблоками кидала!

Скоморохи лишь беззвучно зашлись в сухом хохоте.

Марийка помедлила лишь секунду. Ту самую, за которую сердце успевает пропустить удар, а мир окончательно обесцветиться. Затем она осторожно вложила свою ладонь, горячую и влажную от вязкого страха, в обнажённую руку всадника.

Кожа Ингвара оказалась неожиданно мягкой и живой, хоть и пугающе ледяной, точно дно полыньи в самую лютую крещенскую ночь. В тот же миг, когда их пальцы соприкоснулись, воздух вокруг них неестественно задрожал. Будто судорожно скручиваясь в тугую, невидимый узел, в котором не осталось даже места для вдоха. Реальность в этот миг точно натянулась и лопнула, как перетянутая жильная струна, полоснув по ушам звоном.

Ингвар судорожно выдохнул, закрывая глаза. Марийка чувствовала сквозь свои пальцы, как он отчаянно, до хруста в суставах, пытается вытолкнуть из онемевшей памяти хоть

каплю тепла, чтобы спасти её от этой губительной сделки. Он искал в самых тёмных глубинах выжженной души старые, некогда залитые солнцем сады Железного Кряжа, звонкий смех сестры или случайный солнечный блик на отцовском мече... Но Стужа, в которой он жил веками, оказалась сильнее. Стоило ему коснуться светлого образа, как тот мгновенно рассыпался серым, мёртвым пеплом, оставляя на языке лишь вкус горечи и тлена.

Он прошёл слишком долгий, выжженный путь. И в его сердце не осталось ничего живого, что могло бы насытить жадный Морок.

— Оп-ля, воевода! Не получается? — захохотал Главный скоморох, и бубенцы на его колпаке отозвались хаотичным звоном. — Придётся остаться с нами! Будешь нам стоги в Нави складывать, вечность коротать!

Марийка окаменела. Она чувствовала сквозь плотную холстину, как амулет на её груди начинает пульсировать с новой, неистойвой силой. Казалось, что он отзывался на ледяное отчаяние всадника. Девушка подняла голову, впервые вглядываясь в лицо Ингвара не с ужасом, а с горьким пониманием. Она видела перед собой не врага, а человека, чей внутренний мир давно превратился в пепелище, занесённое снегом.

— Значит, Степанида не лгала... — Марийка прошептала тихо с какой-то болезненной дрожью. — Холод и правда выпил в тебе всё до самого дна, Ингвар. У тебя даже доброго

слова для Морока не осталось...

Всадник открыл глаза. В этой ледяной синеве Марийка увидела не ярость, а пугающую, бездонную пустоту, от которой по спине пробежал озноб.

— Что ж... Раз ты настолько пуст, я заплачу за двоих. Я ещё помню солнце, Ингвар. Я отдам его за нас обоих. Только смотри... не забудь об этом, — она зажмурилась так крепко, что перед глазами поплыли цветные круги.

Перед ней внезапно всплыла картина родного дома... залитый светом яблоневоый сад, старые скрипучие качели... Сама того не желая, Марийка вспомнила тепло материнских рук. То, как она ловко укладывает пышное тесто в печь... её тихий, напевный смех...

— Нет-нет, я не это хотела вспомнить! — последними были слова Марийки, прежде чем мир вокруг неё с чудовищным, живым хрустом раскололся на части.

Вспышка ослепительного, выжигающего света, и следом душная темнота.

Когда она открыла глаза, медовый морок исчез, оставив после себя лишь горький привкус пепла на губах.

— Что? Мы в этом замкнутом круге весь день пробыли?! — раздражённо выдохнула девушка, озираясь по сторонам. Но в её голосе уже не было прежней мягкости — только холодная, сухая пустота. — Вот бесы! Водили нас до вечера в своём хороводе!

Ингвар молча подошёл Вороному. Поглаживая ему мор-

ду, он не смел взглянуть на спутницу. Он знал, какую страшную цену она только что за него заплатила.

— Похоже, будет привал, — глухо отозвался он.

— Хорошо. Надеюсь, мы точно вышли из этого круга... — тихо сказала Марийка. Ветер в лесу теперь был настоящим, кусачим, но после злосчастного марева Морока он казался ей почти ласковым.

— Думаю, да, — коротко отозвался Ингвар, разглядывая новую местность.

— Жаль, что тебе пришлось расстаться с тёплым воспоминанием, — произнесла она спокойно, без тени упрёка. Но в её голосе пропали те самые певучие нотки, что были раньше. Теперь он был ровным и холодным, как свежий наст.

Ингвар пристально посмотрел на девушку. В его глазах отразилась такая тяжёлая, свинцовая вина, что Марийка невольно нахмурилась.

— Что?

— Воспоминание было не моё, — хрипло выдавил он, отводя взгляд.

— Разве моё? — Марийка задумалась. В голове было странно легко, словно кто-то грубо стёр важную строчку в старой песне. — Проклятые скоморохи... В мыслях всё перемешалось, точно пепел на ветру.

Через мгновение, она раздражённо подняла взгляд и застыла, вглядываясь в сизую чашу.

— Что это там впереди? Может можно там устроиться на

ночлег? — неуверенно произнесла Марийка.

В сумерках проступили очертания заброшенной избышки. Марийка робко подалась вперед, осматривая покосившийся забор, который напоминал оскал старого черепа под провисшим хребтом крыши. Ей показалось, что эти стены смутно шепчут ей о... доме? Сердце на мгновение ёкнуло. В памяти вспыхнул отблеск тёплого очага и знакомый скрип половиц. Но стоило ей попытаться «дорисовать» это видение, как образ женщины, встречающей её на пороге, рассыпался пеплом. Она узнавала очертания избы, но не могла вспомнить — кто в ней жил. И эта тревожная пустота на месте любви жалила сильнее любого мороза.

— Хорошо. Я проверю, что там, — глухо ответил Ингвар.

Бревенчатый сруб вблизи выглядел так, словно он пытался врасти обратно в сырую землю, скрываясь от Стужи. Ингвар спрыгнул на замерзшую почву, и тяжелый стук его сапог отозвался в тишине леса костлявым эхо. Он выхватил меч и сталь хищно блеснула в полутьме. Одним мощным взмахом он срубил высокую траву, обросшую чёрной изморозью, которая хрустнула под клинком, точно суставы мертвеца. Ингвар первым зашел в дом, оставив Марийку с конем в вязком безмолвии леса.

«Что я могла забыть?» — подумала девушка, глядя на свои голые ладони. Именно сейчас внутри неё поселилось страшное чувство, будто она сухое дерево, которому обрубили самые глубокие, питающие корни.

Через мгновение Ингвар вернулся и молча взял Вороного под узцы, увлекая в стойло. Внутри избушки пахло пылью, прелой хвоей и вековым забвением — запахом мест, которые само время предпочло вычеркнуть из памяти. Пока Ингвар, едва переставляя онемевшие от усталости ноги, возился с очагом, высекая искры из мёртвого камня, Марийка расстилала солому, которую смогла найти. Её движения были странно выверенными, лишёнными прежней деревенской суетливости. Она задумчиво села у огня, обняв колени. Её взгляд, прежде живой и пугливый, теперь стал прозрачным и холодным, как озёрный лёд в безлунную ночь.

— Так ты воевода... — негромко начала она, пробуя это слово на вкус. Оно казалось ей слишком тяжёлым, неподъёмным для этого тесного пространства. — Скоморохи так тебя называли. Значит, у тебя была своя рать? Свои земли? Расскажи мне.

Ингвар замер, держа в руках охапку сухого, ломкого хвороста. Его пальцы, всё ещё обнажённые после сделки с Морокком, казались восковыми в тусклом свете затухающего очага.

— У меня была Межа, — ответил он, не поднимая глаз.

— Межа? ... — переспросила Марийка.

— Моя Межа была краем всего сущего, Искра. И десять тысяч мечей, готовых застыть по моему приказу. Я был щитом того, что теперь стало прахом. Они стояли до последнего, пока кровь не замерзала прямо в ранах. Теперь они лишь

ледяные изваяния в садах, которые когда-то тоже умели зеленеть. Я единственный, кто выжил, чтобы найти Искру и спасти свой мир...

— Значит, ты привык, чтобы тебе в пояс кланялись, — Марийка склонила голову набок. Её вопросы были простыми и прямыми, она больше не боялась его силы. Внутри неё просто не осталось тепла, из которого рождается страх. — А в твоём мире... там всегда было так? Пусто и мертво?.. Или ты просто забыл, как пахнет живая земля?

— Нет, — Ингвар наконец посмотрел на неё, и в его глазах, глубоких, как провалы в Навь, Марийка увидела тусклое отражение собственного горя. — Раньше там цвели яблоки. Ветер пах не солью и смертью, а нагретой корой и мёдом. Я пытался вспомнить это тепло там, на поле... но Стужа выгнала во мне всё, кроме долга.

Ингвар отвечал, медленно виня себя в произошедшем, точно собирая разбитый витраж. Каждое её спокойное слово ранило его сильнее, чем любая ярость. Он видел, что девушка больше не боится его и стала злой. Словно они спаслись от скоморохов, но убили в ней ту самую Искру.

Затем всадник подошёл к порогу и поднял принесённую с коня кожаную сумку. Он глухо бросил её на солому рядом с девушкой.

Марийка, не сказав ни слова, взяла сухарь. Она начала медленно, механически грызть его, не чувствуя ни вкуса ржи, ни запаха печи. Еда казалась ей речным песком, кото-

рый просто нужно проглотить, чтобы желудок не приклеился к позвоночнику. Она грызла яблоко. То самое, что ещё недавно было налито соком в саду её матери, — но теперь оно было лишь куском сладковатого льда, не рождавшим в душе ни единого воспоминания.

Ингвар сел напротив, по другую сторону очага. Он достал полоску жёсткого вяленого мяса. Всадник ел скупое и сосредоточенно, точно совершал над собой насилие. Каждый его глоток казался усилием воли. В свете умирающего пламени он выглядел как древняя фигура, которую заставили имитировать жизнь.

— Ешь, — не глядя на неё, бросил он. — До Железно-го Кряжа ещё далеко. Если плоть сдастся — Искра погаснет раньше, чем мы увидим горы.

Марийка ничего не ответила. Она лишь крепче сжала в пальцах огрызок яблока, глядя, как на его коже тает иней, превращаясь в капли, подозрительно похожие на слёзы.

Наконец она забылась тяжёлым, вязким сном. Ингвар остался сидеть у огня, не снимая доспехов. Он смотрел в окно, где в призрачном лунном свете вдруг промелькнула длинная, гибкая тень, полоснув по стеклу когтем. Вороной снаружи тревожно всхрапнул, и звук этот заставил всадника мгновенно прийти в движение.

Ингвар бесшумно поднялся и вышел на крыльцо. Прямо перед ним, на поваленном дереве, сидело нечто огромное и угольно-чёрное, словно кусок самой Нави, обретший плоть.

Два янтарных глаза вспыхнули в густой темноте, а из глубины мрака донеслось низкое, вибрирующее мурлыканье.

Хозяин избушки вернулся домой.

Глава 8. Мурлыканье мёртвого леса

Ингвар застыл на крыльце, не опуская меча, но и не спеша наносить удар. В призрачном лунном свете, заливавшем подворье холодным серебром, зверь на поваленной ели не выглядел монстром. Мерещился он просто крупным чёрным котом, чья шерсть отливала глубоким синим цветом.

Всадник медленно выдохнул, и облачко его дыхания мгновенно обратилось в колючую изморозь. После безумия золотой петли этот кусок живой плоти показался ему чем-то невозможным, осколком забытого тепла. Рука, привыкшая рассекать плоть мечом, невольно расслабилась.

Он осторожно полез в карман поддоспешника. Пальцы нащупали твёрдый край овсяного сухаря. Это всё, что осталось от пайка, которым недавно поделилась Марийка.

— На, малый... — негромко, почти ласково позвал он. — Не бойся.

Ингвар сделал шаг вперёд и положил кусочек еды недалеко от себя. Кот замер, склонив голову набок. Его огромные янтарные глаза жадно впитывали лунный свет, становясь похожими на два раскалённых угля в яме с золой. Ингвар инстинктивно отступил на шаг, к самой двери, чтобы не спугнуть это хрупкое видение своей грозной статью.

Кот шевельнулся. Он не прыгнул, а неряшливо свалился с ветки, приземлившись на землю с глухим, «ватным» стуком, совсем не похожим на мягкую кошачью походку. После зверь неторопливо подошёл к сухарю. Вытянул шею и принюхался.

Ингвар затаил дыхание. В груди шевельнулось забытое, почти болезненное чувство нежности. Но в следующую секунду кот медленно поднял лапу. Когти, длинные и острые, как костяные иглы, с мерзким скрежетом полоснули по дереву, брезгливо отшибая сухарь в сторону.

— Я такое не ем... — неожиданно прозвучал голос от пушистого.

Всадника, казалось, было ничем не удивить, но на секунду он все же оцепенел, увидев кота, умеющего разговаривать.

— Говоришь, значит... — выдохнул он

Кот медленно выпрямился, и его тень начала расти, необъяснимо изламываясь и становясь длиннее самого зверя.

— Я проснулся совсем недавно... — проурчал он, и в его горле что-то жутко, влажно хлюпнуло, точно всплеск в Навьем болоте. — Я ещё сам не знаю точно, что я ем... Только утром поселился возле этой избы, ждал добычу. Но пришёл ты. А с тобой — она.

Кот облизнулся длинным, угольно-чёрным языком, не сводя голодного взгляда с закрытой двери избы.

— Она выглядит такой тёплой. Такой вкусной. Словно

парное молоко в морозный полдень. Я смотрю на неё не сквозь щели в брёвнах, а чувствую, как мои зубы чешутся. Хочу укусить её. Всего один раз. Попробовать на вкус это тепло, пока оно не остыло...

В этот момент массивная дверь избы с тяжким, стонущим скрипом отворилась. Марийка стояла на пороге, кутаясь в меховую душегрею. Её лицо в призрачном лунном свете казалось почти прозрачным, фарфоровым, но глаза горели лихорадочным, «зубастым» блеском.

— Говорящий кот?! — Марийка вцепилась пальцами в дверной косяк. — Кот Баюн?!

Всадник на мгновение замер, поражённый не только мощью твари, но и тем, что эта деревенская девчонка узнала существо из самой глубины Нави. Кот же, услышав своё имя, плавно, с каким-то костяным хрустом повернул к ней голову. Его мурлыканье стало выше, превращаясь в вибрирующий стон, от которого по стенам избы пошли мелкие трещины.

— Староста Панкрат рассказывал... — Марийка попятилась, но взгляда не отвела. Её голос дрожал, но в нём проснулась та самая память, которую не смог выжечь Морок. — Когда мы в детстве бегали яблоки воровать в дальние сады, он всегда ловил нас за уши и пугал. Говорил: «Не ходите в заброшенные делянки, там Баюн на ветвях сидит. Сначала сказку расскажет, усыпит, а потом кости обглодает и на солнышке разложит...» Но я думала, что это всё байки для детей... Просто чтобы мы ноги в буреломе не переломали. А

ОНО ВОТ... ЖИВОЕ....

— И не захотел наш сухарь из пайка, — глухо заметил Ингвар.

Кот потянулся, и его тело снова неестественно выгнулось. Потом он облизнулся. В этом мимолётном движении было столько плотоядного ожидания, что воздух, казалось, вокруг избы стал тяжёлым.

— Панкрат ваш — старый болтун. Зачем мне петь для тех, кого съем. Только силы тратить. Я слушаю сказки своего ужина.

Марийка сделала глубокий вдох, усмиряя ледяную дрожь в пальцах. Она видела, как Ингвар напрягся, готовый к безнадёжному бою с тенью, но и сейчас сталь снова не поможет.

— А ещё Панкрат поговаривал, что коты Баюны... — Марийка сделала паузу, и её голос вдруг стал обманчиво мягким, почти вкрадчивым, подражая самому зверю. — ...что они великие ценители. — закончила Марийка, и её голос прозвучал удивительно твёрдо. — Что они не станут мараить когти о первую встречную добычу. Правда ... Ингвар? Ты ведь слышал об этом тоже?

Всадник качнул головой, подыгрывая девушке.

— Да. Кажется, слышал.

Баюн вдумчиво оцепенел. Его тело, только что выгибавшееся, точно ломающаяся ветка, вдруг стало неподвижным. После он всё же неторопливо подался вперёд, обняв воздух, исходящий от девушки. И в этот момент тишина за

его спиной ожила.

Из густой синевы ельника, точно клочья разорванного тумана, начали проступать полупрозрачные силуэты. Тонкие, призрачные девы в серебристых одеждах, сотканных из инея. Но они не шли, а плыли. Их длинные волосы струились по воздуху, а голоса... они не пели словами, это был нежный, вкрадчивый гул, похожий на звон далеких ледяных колокольчиков.

Марийка еще больше распахнула глаза от удивления, чувствуя, как амулет на груди начинает яростно жечь кожу.

— А вот этих, Ингвар, я не знаю....

— Это полуночницы! — выдал недовольно Баюн, брезгливо оскалив жёлтые клыки.

Ингвар переглянулся с Марийкой, но его рука на эфесе меча заметно дрогнула. Тени дев не смотрели на девушку. Их мерцающие глаза были прокованы к воину.

— Гляди, сестрицы... — пролетел над подворьем многоголосый шёпот, мягкий, как вздох влюбленной. — Какая стать... Какая тяжёлая печаль. Дай коснуться твоих шрамов, воин... дай убаюкать твой гнев, приди к нам в холодный сон...

Одна из теней бесшумно скользнула к крыльцу, протягивая к Ингвару ладони. Показалось, что воздух вокруг него вдруг потеплел... запахло яблоневым цветом, обещая покой, которого он не знал годами.

— Прочь! — почти приказным тоном проговорил всад-

ник. — Мне не нужны ваши сны. В них правды меньше, чем в этом холоде.

— Что за полуночницы, кот Баюн? — осторожно спросила Марийка.

— Сёстры Мары.

— Но что они тут делают... — Марийка пыталась прийти хоть к какому-то логическому заключению, но мысли путались, точно паутина в заброшенном погребе.

Она смотрела на этих призрачных дев, и не могла понять главного: почему? Почему тени, которыми её пугали в глубоком детстве, вдруг обрели плоть и вышли на свет?

В это время Баюн хорошо разглядел оберег, который начинал пульсировать на груди у девушки всё ярче. Золотистое сияние дерева теперь практически резало сизый сумрак леса.

— Что это такое? — проурчал он, и в его голосе прорезался интерес.

— Это? — показала на амулет. — Это матушкин оберег.

— Красиво мерцает и вибрирует, ровно как я. — Кот облизнулся, обнажив ряд зубов, слишком мелких и частых для зверя. — Один путник, которого я встретил однажды, рассказал мне о таком свете. Он плёл истории так искусно, что я решил его отпустить...

Тени снова сделали попытку подступиться к Ингвару, но всадник угрюмо отмахнулся.

— Брысь! — добавил Баюн не оборачиваясь. Его хвост

резко хлестнул по замёрзшей земле, рассыпая ледяную пыль.
— Эта добыча — моя.

Тени послушно отпрянули назад, издав разочарованный вздох, но не исчезли. Они остались кружить на границе леса, продолжая свою тихую, тягучую песню, которая лишала воли всякого, кто вслушивался в неё слишком долго.

— Расскажи мне историю, девочка, — Кот облизнулся, глядя на Марийку с хищным любопытством. — Но если она будет хоть немного скучнее, чем у того путника, я вас съем. А твой камень заберу себе.

Марийка сглотнула вязкую горечь и на секунду задумалась.

— Я расскажу тебе про тех, кто рядится в лоскуты и звенит бубенцами там, где добропорядочные люди обходят дорогу за версту, — начала она, — Про скоморохов, Баюн.

— Я слушаю.

Девушка говорила быстро. Она описывала медовое поле, ставшее ловушкой, и то, как веселье мертвецов ввинчивалось в мозг раскалёнными иглами. Она рассказала о сделке, о том, как её самое тёплое воспоминание рассыпалось серым пеплом под хохот скоморохов.

Баюн внимательно слушал, склонив голову так низко, что его усы и когти бороздили землю. Когда Марийка замолчала, кот медленно выпрямился..

— Скучно... — голос Баюна зазвучал точно разлитая по камням смола. — Твоя история пахнет только гарью. В ней

нет жизни, которой я мог бы насытиться. Ты рассказала мне о тенях, но я и сам тень... Зачем мне слушать о том, что я и так вижу в каждом овраге Нави?

Кот медленно повёл головой. Его янтарные зрачки расширились, затапливая глаза непроглядной, чернильной тьмой, в которой будто бы утонули остатки лунного света. Марийка невольно оступилась, едва не споткнувшись о промёрзший порог. Она лихорадочно, до боли в висках, пыталась выскрести из своей «дырявой» памяти хоть одну новую историю, хоть крупицу тепла, способную насытить зверя...

Ингвар тем временем напрягся всем телом, чувствуя, как воздух вокруг избы словно застывает, превращаясь в плотный, вибрирующий кокон. Воевода понимал, что сталь вряд ли рассечёт эту тень, но всё равно был готов встать между зверем и девочкой во что бы то ни стало.

Баюн не стал больше слушать. С коротким, влажным хрипом кот резко прыгнул, превращаясь в угольно-чёрный росчерк. Его длинные когти метнулись прямо к пульсирующему рябиновому оберегу на груди девушки.

— Назад! — проревел Ингвар. Его голос ударил по подворью, точно обвал в горах, но сталь меча лишь бессильно рассекла морозный воздух, проходя сквозь призрачную плоть Баюна. Тот словно состоял из одного лишь тумана.

В тот же миг из лесной хмари на него хлынули Полночницы. Призрачные девы навалились всей своей холодной массой, вцепляясь в доспехи и облепляя его. Ингвар едва не

задохнулся от одуряющего сырого запаха. Мощным рывком он стряхнул с плеч бесплотные фигуры, буквально продираясь сквозь серебристый дым.

Всадник не стал ждать второго прыжка Баюна. Одним чётким, почти грубым движением он сгрёб Марийку за плечо, буквально швыряя её себе за спину, к коновязи у крыльца.

Кот резко прыгнул снова. В этот раз зверь обрёл вес и плоть, наливаясь тяжёлой мускулатурой прямо в воздухе. Ингвар встретил его не только силой плеча, но и встречным ударом клинка. Тень Баюна ударила в него с такой мощностью, что доспехи жалобно звякнули, а дерево избы под весом воина треснуло, точно сухая кость. Когти зверя, длинные как костяные иглы, с мерзким скрежетом полоснули по закалённой стали нагрудника, оставляя на ней глубокие, дымящиеся борозды. Меч Ингвара со звоном пересёкся с когтями кота, высекая сноп в ночной тьме.

— В седло, живо! — приказал он, наваливаясь всем весом на эфес, чтобы отбросить тварь.

Баюн уже тянулся лапой к пульсирующему рябиновому дереву на груди девушки, но в этот миг реальность вокруг них снова поменялась.

Глава 9. Метка Искры

Оберег на груди Марийки вспыхнул яростным, выжигающим пламенем. Свет ударил сквозь пальцы Ингвара, который в последнюю секунду попытался закрыть амулет ладонью, защищая его своей сталью. Раскалённый жар магии лизнул его кожу даже сквозь плотную кожу перчаток.

Под ногами раздался оглушительный гул. Замёрзшая земля под сапогами воина начала дрожать. Так же, как тогда, во время их первой встречи на пшеничном поле, разверзлась бездна. Чёрные трещины змеями поползли в разные стороны, изрыгая тот же слепящий, рябиновый свет.

— Вороной! Ко мне! — свист Ингвара разорвал тишину, точно выстрел.

Конь запертый в хлеву, ответил молниеносно. Массивные, окованные железом копыта вынесли дверные петли с оглушительных грохотом. Дверь разлетелась в щепки, и Вороной, обезумев от этого магического хаоса, вылетел во двор, чудом перемахивая через разверзшиеся в земле борозды.

Баюн, застигнутый этой вспышкой врасплох, отлетел назад. Яростное сияние оберега жгло его новую кожу, словно расплавленное золото. Его шерсть дымилась, а Полуночницы с тихим стоном растворились в лесу, не выдержав этого жара.

Ингвар быстро подхватил Марийку за талию, и буквально

закинул её в седло подоспевшего коня. Затем вскочил следом, и Вороной рванул с места, перепрыгивая через обломки старого забора и высокой травы. Ослеплённый магией, лес на мгновение расступился, осыпаясь серебристой пылью под бешеным галопом. Когда свет берега начал угасать, под копытами наконец послышался живой рокот ветра.

Они мчались сквозь ночь, и Марийка чувствовала, как за спиной затихает озлобленный крик Баюна. Сделка была разорвана силой, которую она сама еще не понимала.

— Кажется, оторвались... — выдохнула она, прижимаясь к шее коня.

— Да, — коротко отозвался Ингвар. Он тряхнул обожжённой рукой, стараясь вернуть пальцам чувствительность. — Но теперь нужно гасить свет амулета, иначе нас легко найдут собиратели Искр, и обереги Степаниды не спасут.

— Хорошо, — засуетилась девушка, пытаясь припрятать в одежду магический предмет.

Тьма в лесу стала такой плотной, что Вороной начал спотыкаться о невидимые препятствия. Ингвар резко натянул поводья, чувствуя, как конь шумно дышит под ним.

— Стой... — Ингвар придержал коня. — Дальше Вороному не видно. Нужно переждать.

Он спрыгнул на землю и помог спуститься Марийке. Девушка едва держалась на ногах; её всё ещё колотила мелкая дрожь. Они нашли пристанище под вывернутыми корнями

старого кедра, который навис над землёй, точно костяной шатер.

— Стоит развести огонь... — глухо бросил Ингвар. — Чтобы ты не замерзла.

Всадник начал на ощупь собирать сухой лапник и бере-
сту, двигаясь скупно и резко. Марийка не видела в густых те-
нях его лица, но слышала его тяжёлое, прерывистое дыха-
ние и то, как он старается действовать лишь одной рукой. Не дожидаясь просьбы, она тоже принялась шарить руками по мёрзлой земле, собирая сухой хворост, который ещё не успел напитаться сыростью.

Через какое-то время они сложили небольшую кучу веток возле корней. Несколько быстрых ударов огнива — Ингвар едва заметно стиснул зубы, когда металл высек искру — и робкий огонек вгрызся в кору. Девушка присела рядом, при-
крывая крошечное пламя ладонями от сквозняка, помогая ему окрепнуть.

Постепенно огонь перерос в настоящий костёр. Оранже-
вые блики заплясали по броне воина и бледному лицу Ма-
рийки.

Девушка огляделась по сторонам.

— Похоже, Стужа здесь еще не поселилась... Но уже скоро придёт...

— Да. Я думаю, с каждым днём она становится всё силь-
нее и сильнее... — ответил ей Ингвар.

Затем он отошёл к Вороному. Достав левой рукой ме-

шочек с едой из-под нагрудника, Ингвар подошёл к зверю вплотную. Конь нетерпеливо ткнулся мордой ему в плечо и всадник, поморщившись от резкой боли в раненой руке, случайно рассыпал немного зерна на землю.

Марийка же в это время боязливо присела на поваленное дерево, вглядываясь в тени под ним. Перед глазами всё ещё стоял Кот Баюн и его янтарные глаза с сабельными когтями, которые ещё чуть-чуть и сорвали бы её оберег. Сердце в груди никак не могло успокоиться.

Пытаясь хоть как-то отвлечься, девушка заговорила:

— Кто такие Собиратели Искр? Это тоже тени? Или они пришли из твоего мира?

Всадник оглянулся.

— Они не тени и не люди. Собиратели Искр — это те, кто лишился собственного тепла слишком давно. Ещё до того, как Стужа сковала мой мир.

Только сейчас, в свете пламени, Марийка заметила, что Ингвар держит правую руку странно неподвижно. Его перчатка из толстой воловьей кожи, которую он надел на смену железной, была не просто разорвана — она оплавилась по краям, обнажая кожу.

— Ингвар... Твоя рука, — выдохнула она, делая шаг к нему.

Воевода попытался спрятать ладонь за доспехи но Марийка была быстрее. Она перехватила его запястье, и Ингвар замер, невольно подчиняясь её настойчивости. Она осторожно

стянула с него остатки рваной кожи, и оба остолбенели.

В свете костра ожог на его ладони выглядел пугающе красиво. Это не была обугленная плоть. Прямо по центру ладони и расходясь к пальцам, пульсировал багрово-золотой узор, точь-в-точь повторяющий гроздь рябиновых ягод. Кажалось, Искра Марийки не просто ударила его, а проросла сквозь кожу, запечатлев на воине свою метку.

— Извини... — прошептала Марийка, поднося его руку ближе к огню, чтобы лучше рассмотреть. Её пальцы, холодные и тонкие, едва касались его мягкой кожи. — Я не знаю, как это получилось...

Ингвар же не сводил с неё глаз. Он чувствовал, как от её прикосновения боль отступает, сменяясь странным, глубоким теплом.

— Этот оберег защищает тебя, Искра, — твёрдо отозвался он. — В моём мире... там, где всё застыло, такая боль — это только напоминание. Оно значит, что я ещё жив.

Марийка бережно подула на ожог, и золотистые линии на его руке на мгновение вспыхнули ярче, отзываясь на её дыхание. После она коснулась губами края раны, и всадник вздрогнул. В этот миг, казалось, Стужа отступила за границы круга света, оставив их вдвоем под защитой старого кедра.

— Тебе нужно поесть, — тихо прошептала она, выпуская его руку.

Ингвар не ответил, но его плечи, обычно напряженные, наконец опустились. Марийка достала из сумы зачерствев-

шую краюху хлеба и ломоть вяленого мяса. Она разделила скудную добычу, и вскоре они ели молча, вслушиваясь в мирный треск дров.

Марийка жевала сухой хлеб, глядя на то, как жадно Ингвар расправляется с этой простой пищей. Именно сейчас она поняла, что в их пути спокойствия будет мало, и если есть возможность согреться или утолить голод, то делать это нужно немедленно, не оставляя на потом. В этом новом мире «потом» могло просто не наступить.

В какой-то момент, Марийка пытаясь откусить особенно упрямый край горбушки, приложила столько усилий, что челюсть предательски щелкнула. Девушка неловко дёрнулась, и коварный сухарь, выскользнув из пальцев, подлетел вверх. Рикошетом он отскочил от низко висящей ветви кедра и с глухим стуком приземлился прямо на макушку Ингвара, запутавшись в его заиндеветых волосах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.